

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Утверждено научно-методическим советом филологического факультета,
протокол № 4 от 19 апреля 2007 г.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

Часть 1

Тексты и задания к практическим занятиям

Составитель
А.А. Житенёв

Тесты и задания подготовлены на филологическом факультете Воронежского
государственного университета.

Рекомендуется для иностранных студентов-бакалавров IV курса.

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета
2007

Для специальности: 031000 (520300) – Филология
(ОПД.Ф.03.01)

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием.

Прародители – зд.: первые люди на земле. *Рупия* – индийская денежная единица. *Осенённый* (книж.) – покрытый тенью. *Рикша* – человек, который возит двухколесную коляску с пассажирами. *Возвышенный* – зд.: Будда; в тексте в изменённом виде цитируются фрагменты из морально-нравственных буддийских сочинений. *Невзрачен* – некрасив. *Бетель* (англ. betel) – растение из семейства перечных, листья которого используются для жевания (т. к. повышают тонус). *Урочное* (устар., книж.) – обыкновенное. *Истребляя* – уничтожая. *Жаждавший* – желавший. *Мазанка* – дом из глины или дерева, обмазанного глиной. *Круглолицая* – т. е. с круглым лицом. *Зажечь жизнь от жизни* (метафора) – родить детей. *Невольничий остров* – остров рабов. *Столбняк* – зд.: состояние неподвижности, окаменения от сильного переживания. *Испеищённый* (книж.) – пёстрый, усеянный точками, метками, пятнами. *Смоляной* – зд.: чёрный. *Аркада* – ряд арок. *Знойное* – жаркое. *Кратина* – пятно. *Черепица* – пластины из глины, которыми покрывают крышу. *Вытянул* (разг.) – выпил. *Трепетать* – дрожать. *Лагуна* – морской залив, отделённый от моря полосой песка. *Ропот* – шум. *Понестись* (разг.) – быстро побежать. *Шарахнуть* – кинуться в сторону, отпрыгнуть. *Вековая смоковница* – столетнее дерево инжира. *Стократно* – зд.: сильно. *Заветный* – зд.: драгоценный. *Фунт* – британская денежная единица. *Она* – имеется в виду змея (автор намеренно избегает прямого наименования, используя местоимение). *Несказанный* – зд.: необыкновенно сильный. *Разразиться рыданиями* – начать шумно плакать. *Любезно* – вежливо. *Трап* – лестница, по которой поднимаются на корабль. *Складно* – связно, логично, последовательно. *Камень* (перен.) – становится неподвижным. *Сполох* (устар., книж.) – молния. *Бурская война* – война Британской империи против Южно-Африканской и Оранжевой республик на Юге Африки, закончившаяся утратой независимости последних. *Рея* – поперечный брус на мачте, на который прикрепляется парус.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний:

плантация, сморщенный, дурман, хижина, подкреплять, скорпион, наткнуться, бегодня, тропики, смуглый, пароходство, простонародный, оглобля, браслет, рубин, на корточках, пронзённый, инурук, помотать, гавань, гребец, смертоносный, палуба, обольщение, пахучий, навес, цеголять, дикарь, телеграф, бездна, заросли, захлебнуться, туша, разлагаться, колония, вынырнуть, истлеть.

Братья

Казалось бы, зачем им, этим лесным людям, прямым наследникам земли *прародителей*, как и теперь ещё называют Цейлон, зачем им города, центы, *рупи*? Разве не всё даёт им лес, океан, солнце? Однако, входя в летá, одни из них торгуют, другие работают на рисовых и чайных плантациях, третьи – на севере острова – ловят жёмчуг, опускаясь на дно океана и поднимаясь оттуда с кровавыми глазами, четвёртые заменяют лошадей, – возят европейцев по городам и окрестностям их, по тёмно-красным тропинкам, *осенённым* громадными сводами лесной зелени.

Старику-рикше, жившему в одной из лесных хижин под Колóмбо, достался особенный, седьмой номер. Он был чёрен, очень худ и *невзрачен*, похож и на подростка и на женщину; посерели его длинные волосы, в пучок собранные на затылке и смазанные кокосовым маслом, сморщилась кожа по всему телу, или, лучше сказать, по костям; на бегу пот ручьями лил с его носа, подбородка и тряпки, повязанной вокруг бёдер, узкая грудь дышала со свистом и хрипом; но, подкрепляя себя дурманом *бетеля*, жуя и сплёвывая кровавую пену, пачкая усы и губы, бегал он быстро.

Раз прибежал он домой совсем не в *урочное* время, в самый жар полдня. Всё в лесах пело и славило бога жизни-смерти *Мáру*, бога «жажды существования», всё гонялось друг за другом, радовалось краткой радостью, *истребляя* друг друга, а старый рикша, уже ничего не *жаждавший*, кроме прекращения своих мучений, лёг в душном сумраке своей *мазанки*, под её пересохшей лиственной крышей, шуршащей красными змейками, и к вечеру умер.

А его сын, легконогий юноша, стоял в полутьме за огнём. Он вечером видел свою невесту, *круглолицую* тринадцатилетнюю девочку из соседнего селенья. Он испугался и удивился, услыхав о смерти отца, – он думал, что это будет ещё не скоро. Но, верно, был он слишком взволнован другою любовью, которая сильнее любви к отцам. «Не забывай, сказал *Возвышенный*, не забывай, юноша, жаждущий *зажечь жизнь от жизни*, как возжигается огонь от огня, что все страдания этого мира, где каждый либо убийца, либо убиваемый, все скорби и жалобы его – от любви». Но уже без остатка, как скорпион в своё гнездо, вошла любовь в юношу. Он стоял и смотрел на огонь.

Сперва он только гонялся за опытными рикшами, прислушиваясь, куда посылают их седоки, запоминал названия улиц и английские слова; потом и сам стал возить, сам стал зарабатывать, готовясь к своей семье, к своей любви, желание которой есть желание сыновей, равно как желание сыновей есть желание имущества, а желание имущества есть желание благополучия. Но однажды, прибежав домой, он наткнулся на другую страшную весть: невеста его исчезла – пошла на *Невольничий* Остров, в лавку, и не вернулась.

В *столбняке* просидев двое суток дома, не притрагиваясь к пище, только жуя бétel, он наконец очнулся и опять убежал в Колóмбо. О невесте он, казалось, совсем забыл. Он бегал, жадно копил деньги – и нельзя было понять, во что больше он влюблён: в свою беготню или в те серебряные кружочки, что собирал за неё. Благополучно, с виду даже счастливо проработав он так с полгóда.

И вот сидел он как-то утром, вместе с другими рикшами, под многоствóльным дéревом на той длинной улице, что идёт от Невóльничьего Острова к Парку Виктории. Вдруг вдалеке, возле белых оград, *испецирённых* светотёнью, показался человек в белом. Он шел посредине улицы той упрямой и твёрдой походкой, которой ходят только европейцы. Он взглянул на них; и седьмой номер с его *смоляными* волосами показался ему сильнее других. На седьмой номер и пал его выбор.

Он был невысо́к и кре́пок, в золотых очках, с чёрными срóсшимися бровями, в чёрных коротких уса́х, с оливковым цветом лица, на котором тропическое солнце и болезнь пёчени уже оставили свой смýглый след.

Был конец марта, самое *збóйное* время. Не прошло и трёх часов с восхода солнца, а уж казалось, что бли́зок полдень, – так жарко, светло было всюду и так многолюдно возле ла́вок в конце улицы. Возле старого здания с *аркадами* в нижнем этаже остановились. Англичанин посмотрел на часы и ушёл пить чай и курить сигáру. Напившись чаю, англичанин бродил по улице, заходил в магазины, рассматривал в витринах драгоценные камни, слонов и будд из драгоценного дерева, всякие пёстрые ткани, золотые в чёрных *крати́нах* шку́ры панте́р. Ровно в полдень англичанин дал рикше рупию, чтобы он купил себе поесть, а сам пошел в конто́ру большого европейского пароходства. Вскочив с места, рикша побежал в простонаро́дный бар. Там он *вытянул* целый стакан виски. Смешав этот огонь с бételем, он обеспечил себя блаженным возбуждением до самого вечера.

Пьян был и англичанин, выйдя с сигáрой из отеля, – глаза его были сонны, порозовевшее лицо стало как будто полнее. Поглядывая на часы и что-то думая, видимо, не зная, как убить время, он в нерешительности постоял возле отеля, потом приказал везти себя сперва на почту, от почты – к саду Гордо́на, куда даже не зашёл, – а от сада – куда глаза глядят: к Чёрному Городу, к рынку, к реке Келáни... И пошёл, пошёл мотáть его пьяный и с головы до ног мокрый рикша, возбуждённый ещё и надеждой получить целую кучу цéнтов.

Солнце меж тем закатилось. Так было чёрно среди садов, где бежал рикша, что только по тяжёлому дыханию и по ску́дному фона́рику на огло́бле можно было понять, что несётся впереди встречный. Потом слабо замерцáла под чёрными навесами дёрéвьев гнилая лагу́на, закраснели огни, длинно отража́вшиеся в ней. Большой двухэтажный дом насквозь светился в этой тропической черноте прóрезами окон. Рикша номер седьмой

подлетел к балкóну. Сидевшие за столом привётствовали запоздавшего гостя радостным *ро́потом*. Гость выскочил из колясочки и вбежал на балкон. А рикша *понёсся* вокруг дома, чтобы опять попасть к воротам, во двор, к другим рикшам.

Но, обегая дом, он вдруг так *шара́хнулся* назад, точно его удáрили в лицо палкой: стоя возле открытого и освещённого окна второго этажа, – в японском халáтике красного шёлка, в тройном ожерелье из руби́нов, в золотых широких браслэтах на обнажённых руках, – на него глядела круглыми сияющими глазами его невеста, та самая девочка-женщина, с которой он уже договорился полгода тому назад обменяться шариками из риса! Его внизу, в темноте, она не могла видеть. Но он сразу узнал её и, отшатнувшись, застыл на месте. Он не упал, сердце его не разорва́лось, оно было слишком мо́лодо и сильно. Постояв с минуту, он присел на землю, под *вековой смокóвницей*, вся вершина которой, как райское дерево, горела и трепетáла множеством о́гненно-зелёных искр. Он долго смотрел на чёрную круглую головку, на красный шелк, свободно обнима́вший маленькое тело, и на поднятые, поправлявшие причёску руки той, что стояла у окна. Он сидел на ко́рточках до тех пор, пока она не поверну́лась и прошла в глубину комнаты. А когда она скрылась, мгновенно вскочил на ноги, птицей пролетев через двор за ворота, опять пустился бежать – на этот раз уже твёрдо зная, куда и зачем он бежит, и уже сам управляя своей освободившейся волей.

«Проснись, проснись! – кричали в нем тысячи беззвучных голосов его печальных, стократ истлёвших в этой райской земле предков. – Страхни себя обольщения Мары, сон этой краткой жизни! Тебе ли спать, отравленному ядом, пронзённому стрелой?» И рикша молча вскочил под навес среди столбов, ногой толкнул в глубине под ним двёрку, за которой надеялся найти немо́го старика. В по́тной руке он крепко держал *заветный* золотой, который он ещё на бегу достал из-за передника. И золотой быстро сделал своё дело: назад рикша выскочил с большой корóбкой от сигáр.

Он, отдавая индúсу целый *фунт*, требовал самую маленькую и самую сильную, самую смертоно́сную. И *она* была, при всей своей малости, необыкновенно сильна и злобна, а теперь, после того, как её *помотáли* в деревянной пахúчей коробке, особенно. И он быстро развязал, распутал шнурок... Впрочем, кто узнает, как именно сделал он своё страшное дело? Известно лишь то, что уку́с её о́гненно жгуч и с головы до ног пронзаёт все тело человека *несказáнной* болью, такой, что после него даже обезьяны *разража́ются рыда́ниями*. И нет сомнения, что, ощутив этот о́гненный удар, рикша колесом переверну́лся на скамье, и коробка полетела от него в сторону. А затем тотчас же распахну́лась под ним бездо́нная тьма, и всё понесло́сь перед его глазами куда-то вверх: и океан, и звёзды, и огни города.

Дней через десять, в темные, жаркие сумерки перед грозой, к большому русскому пароходу, готовому отплыть в Суэц, две пары гребцов гнали в гавани Коломбо лодку, в которой полулежал седок рикши номер седьмой. Пароход уже гудел от грохота якорной цепи, когда, выскочив возле громадной железной стены парового бока, взбежал он по длинному *трапу* на палубу. Капитан сперва наотрез отказался принять его: «Пароход грузовой, – заявил он, – агент уже уехал, – это невозможно». «Но я чрезвычайно, чрезвычайно прошу вас!» – возразил англичанин. И, пожав плечами, подумав, капитан уступил.

Моряки встретили его преувеличенно *любезно*, друг перед другом щеголяя знанием английского языка. Он ответил им сдержанной, но не меньшей любезностью и поспешил сказать, что ему очень нравится русский стол, что он был в России, в Сибири... что он вообще много путешествовал и всегда прекрасно переносил путешествия, чего, однако, нельзя сказать о его последнем пребывании в Индии, на Яве и на Цейлоне.

Говорил он *складно* и не просто, а так, точно читал хорошо написанную статью. И порою внезапно смолкал, ещё внимательнее прислушиваясь к шороху волн за открытыми дверями. От грозы ушли. Но порою доходил глухой, мрачный и торжественный, всё до основания потрясающий гул грома. И тогда англичанин как бы *каменел* на минуту.

«В сущности, это страшно!» – сказал он своим мёртвым, но твёрдым голосом после одного особенно ослепительного *сплоха*. И, встав с места, подошёл к двери, за которой была темнота. «Очень страшно», – сказал он, как бы разговаривая сам с собой. «И страшнее всего то, что мы даже не думаем, не чувствуем и не можем, разучились чувствовать, как это страшно». «Что именно?» – спросил капитан. «А вот хотя бы то, – ответил англичанин, – что под нами и вокруг нас бездонная глубина. Да, и это очень страшно. А мы, в сущности, ничего не боимся. Мы даже смерти не боимся по-настоящему: ни жизни, ни тайн, ни бездн, нас окружающих, ни смерти – ни своей собственной, ни чужой! Я участник *бурской* войны, я, приказывая стрелять из пушек, убивал людей сотнями – и вот не только не страдаю, не схожу с ума, что я убийца, но даже не думаю о них никогда.

Мы все, – коммерсанты, техники, военные, политики, колонизаторы, – мы все, спасаясь от собственной глупости и пустоты, бродим по всему миру и вот только здесь, на земле древнейшего человечества, в этом потерянном нами раю, который мы называем нашими колониями и жадно ограбляем, среди грязи, болезней и людей, обращённых нами в скотов, только здесь чувствуем в некоторой мере жизнь, смерть, божество».

«Знаете ли вы, – сказал он, останавливаясь и блестя очками на капитана, – буддийскую легенду?» «Какую?» – спросил капитан, уже тайком зевнувший и посмотревший на часы. «А вот какую: ворон кинулся за слонём, бежавшим с лесистой горы к океану; все сокрушая на пути, слон обрушился в волны – и ворон полетел за ним и, выждав, пока он

захлебнулся, опустился на его ушастую тушу; туша плыла, разлагалась, а ворон жадно клевал её; когда же очнулся, то увидел, что отнесло его на этой туше далеко, туда, откуда даже на крыльях чайки нет возврата, – и закричал жалким голосом, тем, которого так чутко ждёт Смерть... Ужасная легенда!» «Да, это ужасно», – сказал капитан.

Англичанин замолчал. Сразу пал мрак, шум волн стал как будто слышнее, и сразу раскрылись в окнах звёздное небо, мачты, *реи*. Пароход скрипел и лез с одной водяной горы на другую.

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Где происходит действие рассказа?
2. Почему в рассказе подробно рассказано не только о молодом рикше, но и о его отце?
3. Почему невеста оставляет юношу? Что заставляет его покончить самоубийством?
4. Как в рассказе описываются рикша и англичанин? В чем отличие их характеристик?
5. Каков смысл притчи о слоне и вороне?
6. Каково значение фрагментов религиозных сочинений в рассказе?
7. В чем смысл названия рассказа?
8. Как писатель представляет себе решение конфликта, обозначенного в рассказе?

Андрей Белый

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием.

Йог. *Йога* – индийское религиозное учение, цель которого – достичь духовного слияния с Богом с помощью ряда психологических упражнений. *Йог* – сторонник этого религиозного учения; зд. (иронич.): человек, ищущий духовного просветления. *Бессменно* – зд.: неизменно, всё время. *Согбенное* (книж., зд.: иронич.) – согнутое, сгорбленное. *Калоши* (устар.) – надеваемая поверх сапог обувь из резины. *Енотовый* – т. е. сделанный из шкурки енота, зд.: дешёвый. *Промозглый* – сырой, дождливый. *Крылатка* (устар.) – широкий мужской плащ. *Озирать* (книж.) – оглядывать, осматривать. *Сентенция* – изречение, пословица книжного происхождения. *Иконография* – раздел науки об искусстве, изучающий темы, образы и сюжеты художественных произведений. *Гробовая тишина* (фразеол.) – абсолютная тишина. *Масон* – представитель тайного религиозно-философского братства, имеющего своей целью совершенствование мира и человеческих отношений. *Нимало* (устар.) – совсем. *Начертанный* (книж.) – написанный. *Лозунг* – призыв, выражающий определенную идею. *Лавировать* 1. В корабельном деле – менять курс корабля, заходить то

слева, то справа. 2. (перен.) – менять точку зрения в соответствии с позицией собеседника. *Полетел в тартарары* (фразеол.) – т. е. полетел в бездну, в ад. *Проводить в жизнь* – реализовывать. *Многокнящее* (неологизм) – зд.: бурлящее, движущееся в разные стороны. *Парча* – яркая драгоценная ткань. *Пелена* – тонкая, прозрачная ткань. *Сокрушение* (книж.) – раскаяние в грехах, душевная боль в связи с осознанием собственного несовершенства. *Книги, производящие большие сердечного сокрушения, нежели занятия* – т. е. книги, интересные не своей занимательности, а такие, которые обращают к духовному совершенствованию. *Искромёт* (неологизм) – по аналогии с «водомёт» (фонтан) – фонтан из огней, искр. *Медитация* – духовное упражнение, состоящее в сосредоточении внимания на каком-то объекте или мысли. *Бессрочное* – не ограниченное по времени. *Чуждавшийся* (книж.) – избегавший. *Кадет* – конституционный демократ (кадеты – политическая партия в России в начале XX в.). *Ретроград* – человек с устаревшими, не соответствующими современности убеждениями. *Незакатно-бессрочно* – вечно. *Забрести* – зайти. *Тайный Учитель Жизни* – Бог. *Октябрьское восстание* – Великая Октябрьская революция 1917 г. *Февральская революция* – революция 1917 г., приведшая к смене формы правления (Россия перестала быть монархией и стала республикой). *Отлетали осколками...* – после Октябрьской революции каждая из наций, образовывавших Российскую империю, получила возможность создать самостоятельное государство. *Оскал* – обнажение зубов как знак ярости или ненависти. *Скрепы* – зд.: то, что делает жизнь целым, жизненные связи. *Уста* (книж.) – рот. *Очи* (книж.) – глаза. *Реять* – парить, висеть в воздухе. *Нахлобучить* (разг.) – о головном уборе: одеть кое-как. *Бельмо* – ослепший, побелевший глаз; зд.: невидящий глаз. *Сокровенный* (книж.) – скрытый, тайный. *Цензор* – человек, в обязанности которого входит оценка соответствия текста морально-нравственным (или общественно-политическим) ценностям общества. *А. Майков* – русский поэт XIX в.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний:

завидовать, служащий, невроз, набить битком, придирается, сосредотачиваться, инициатива, усомниться (сомневаться), служащий, невятно, эра, старомодный, стойкость, пророк, митинг, окраина, сопровождать, насмешка, трибуна, терраса, захаживать, инициатива, весомость, провозглашать, посетитель, рукопись, расступиться, метаморфоза, очертания, экспонат, воодушевление, осколок, отлетать, надрываться, негодовать, ёкнуть, восстание, перекрёстный, покров, блуждать, развеяться, гудеть, созерцать.

Задание 2. Прочитайте текст.

Йог

Иван Иванович Коробкин был служащим одного из московских музеев, заведующим библиотечным отделом без малого уже сорок лет. Летом, зимой, осенью и весной появлялось *бессмэнно согбённое*, старое тело его; летом – в белом пиджаке, с огромнейшим зонтиком и – в *калошах*, зимой – в меховой порыжевшей *енóтовой* шубе, в обтёртом пальто – *промóзглой* осенью, весной – в *крылатке*. Медленно поднимался он в набитое уже битком помещение читального зала, раскланивался с посетителями и – садился за стол разбирать бумаги. Иногда он принимался *озирать* сослуживца и отрывал его от дела произнесением полезных *сентэнций*. На минуту суровое и сухое лицо его становилось каким-то сквозным, просиявшим, детским: «*Иконография*, молодой человек, есть наука!» – провозглашалось в *гробовой* тишине читального зала. Но когда молодой человек поднимал голову, видел он уже лицо не детское, но суровое и сухое.

Иван Иванович знакомств не водил, не сблизился ни с кем. Пробовали к нему захаживать в гости, но – перестали захаживать. Некоторые как будто видели иногда на его лице желание высказаться о чем-то важном, но впечатление это никогда не подтверждалось: слишком уж закрытый был человек. «Бог его знает, кто он такой, может быть, даже *масón*». К странностям старика привыкли, а их было немало. Так, то Иван Иваныч высказывает внимание к избранному им лицу без всякого повода, а то вдруг охладёт, и тоже – без всякого повода. Замечали ещё, что моменты внимания к кому бы то ни было совпадали обычно с какой-то крупной житейской неудачей у этого человека, о которой Коробкину, конечно, не могло быть известно; при счастливом же стечении обстоятельств, он, опять-таки ничего о нём не зная, наоборот, становился очень придирчив к людям. Стоит ли удивляться, что чиновники избегали Ивана Иваныча, *нимáло* не интересуясь его жизнью. Известно было только, что ему за семьдесят, что он – «целая эпоха», и что живёт он в Калошином переулке.

Появлялся Коробкин у себя дома всегда без двадцати пяти пять, и уже в пять сидел он в удобном и потёртом кожаном кресле за столом, сплошь заваленном рукописями и книгами особого сорта, а именно мистическими. На стене над письменным столиком Иваном Ивановичем вывешивались листочки с *начёртанным* собственноручно *лóзунгом* дня, под этим лóзунгом он весь день и жил. Лóзунгами же обычно служили изречения разных учёных мужей, например: «Читай такие книги, которые больше производят *сердечного сокрушения, нежели занятия*» или ещё что-нибудь в этом роде.

При пробуждении, до выбора лозунга упражнялся Иван Иваныч минут десять в сосредоточённые мысли. При этом он брал очень простую,

легчайшую мысль, например – об игёлке, и продумывал всё, касающееся этого предмета, тщательно избегая посторонних мыслей. Упражнение это на его языке называлось «правилом умственного контроля», а всё, что было связано с выбранным лозунгом, – «правилом инициативы к действию», были ещё и третье, и четвёртое и Бог его знает ещё какое правила. Одно, например, называлось «правилом укрепления самосознания» и состояло в том, чтобы избегать в речи местоимения «я». Три года Коробкин, искусно лавируя, избегал его и, наконец, достиг необыкновенной весомости слова «я». Так, когда помощник управляющего усомнился в правильности расставления экспонатов, Иван Иванович заявил: «Я своё дело знаю». И прозвучало это так, что помощник управляющего понял, что перед ним расступились стены и он со своим планом *полетел в тартарары*. И все-то эти правила *проводил* Коробкин в жизнь, да так незаметно, что сослуживцы даже не подозревали о подлинном роде занятий его, по отношению к которому служба в музее была только маской, скрывающей упражнения в нравственной сфере. Иван Иванович, собственно говоря, был *йог*, а вовсе не служащий.

Прижав руки к коленям и вытянувшись на кресле, сосредотачивался Иван Иванович на каком-то предмете мысли, и это всё меняло вокруг, словно какие-то руки поднимали его и уносили. И все знакомые очертания книг и полок, шкафа и комнаты становились прозрачными, и сквозь них проступала какая-то новая жизнь кипящего мира. В нём самом и вне его всё вскипало, крутилось, дымилось в каких-то летающих струях; меняющий очертания, Иван Иванович снимался с себя самого и бросался в *многокпящее* море существ, представляющих *искромётны, парчи, пелены* из тончайших *субстанций*. Многие мог он подматривать в этом мире, но не мог он обложить внятным словом узнавания; а попытаться – внятное слово должно непременно распаться и стать – венком слов, метаморфозой словесных значений, невнятицей. В этой невнятице и проживал Иван Иванович. И оттого-то была у него привычка к молчанию и привычка обмениваться с окружающими записками – это был естественный ход его неестественной жизни.

И что же знал Иван Иванович из своих *медитаций*? А знал он, что времена – накопились, *бессрочное* – придвинулось, будут – новые дни, подымается новая эра, и с гроботом погибнет величие культуры, в которой уже растут семена новой жизни. Однако среди музейных своих сослуживцев он вел себя как человек старомодный, *чуждавшийся* всякой политики, даже боявшийся политической жизни. Однажды, когда философ-кадет развивал свои взгляды в помещении музея, и, увлечшись, сказал, что в строящемся идеальном государстве будут тюрьмы, где заключённые будут развлекать друг друга исполнением Бетховена, Иван Иванович, прервав собеседника, сказал, что, если уж без тюрьмы в

идеальном государстве никак нельзя, он предпочитает тюрьму с клопами и – без Бетховена. Так и попал он в *ретрограды*.

В год войны Коробкин отрицал ее возможность и патриотическое воодушевление не охватило его. О правительстве он молчал и *Февральская революция* не обрадовала его. Но по мере того, как расплавлялась Россия, как от нее *отлетали осколками* – Польша, Финляндия, Латвия, Кавказ и Украина, по мере того, как надрывался от крика и негодования музей, а весь Калóшин переулок испытывал лишение аппетита и сна, – Иван Иванович, к общему удивлению, стал испытывать чувство приятнейшего волнения, а старческий рот складывался в улыбочки. Что происходило в его сознании – трудно было понять.

Проходя в библиотеку и просматривая записки, он вдруг начинал неестественно улыбаться и потирать свои руки или схватывался за сердце. Но это не был нервоз, это были непроизвольные погружения ума в трепетавшее сердце. И вот с ёкнувшим сердцем Иван Иванович Коробкин обращался к посетителям музея и сослуживцам не с обычными своими сентенциями, а с очень странной фразой: «Да, да, воздух чист и лучист». Говорил он, впрочем, явно не о воздухе музея и не о воздухе улицы – речь шла о воздухе страны его путешествий, та страна была воздушно-светом, и о ней говорил Иван Иванович.

Перед *октябрьским восстанием* Иван Иванович вдруг стал приглядываться к молодому человеку, поступившему недавно в музей и состоявшему в одной из новых партий. Приподнявши очки, он порой постоивал над ним, покачивая головой с невероятным сочувствием, и, точно охваченный вздохом, который давно начался и все не мог оканчиться, говорил: «И вот, молодой человек, надвигается *незакатно-бессрочное*, да-с!» – и обрывал себя. И возвращался к бумагам. А молодой человек через несколько дней был убит на улице в перекрестном огне пулемётов.

Мы забыли сказать про одно очень важное обстоятельство: перед сном Иван Иванович пропускал все события дня в обратном порядке: от последнего мига до мига пробуждения, после этого мысль его и внимание приобретали какую-то особую стойкость и силу. И казалось ему, что его тело вписано в какое-то другое огромное тело, что он внутри самого себя – как путешественник, случайно *забрёдший* в огромную и покинутую всеми башню. И казалось ему, что стены башни – это видимый небесный покров, и в то же время знал он, что стены башни – это его кожа. И казалось ему, что, посреди небесного пространства, звёзды в котором *реяли*, словно птицы, одна из них спускается к нему и, обнимая пожаром своих лучей, – уносит. Но самое главное, в последнее время, во сне, во время сокровенных бесед с *Тайным Учителем Жизни*, он стал замечать, что беседы эти, ранее бывшие невнятными, теперь принимали отпечаток необыкновенной отчётливости. И начал Иван Иванович сознавать, что

десятилетиями блуждал он в жизни для того, чтобы однажды мог он стать над толпой, как пророк, и бросать в толпы слова, принадлежащие не ей, а Учителю, говорившему сквозь неё, как сквозь трубы.

В один знойный денёк 1918 года, когда собирались митинги на окраинах города, все заметили, что, придя в помещение музея, Иван Иванович не прикасался к делам, напоминая лицом пророка Иеремию в изображении Микеланджело. По окончании службы он сел в трамвай и поехал на окраину. Под открытым небом шёл митинг. Говорилось о свободе, о возможности перевернуть жизнь по-новому, о любви, равенстве и братстве народов. И тогда-то стал над толпой он, кто молчал много лет, ожидая дня, когда будут растоплены *скрепы* жизни, и будет возможность сошествия *Духа* в сердца. И говорил он, что «накаплиются времена», что «расплавляется твёрдая почва», что «воды потоков охватывают нас всех». Но – Иван Иванович отчётливо увидел с трибуны жёлтые лица, враждебные очи, разорванные *оскалом* уста. И понял он, что преобразование не свершится ещё, что слова, которые через него сказаны Учителем Жизни, не достигли слуха, что Гости – не приняли.

Было видно, как старый, измученный человек устремил перед собой потухшие *очи* – так уголь, еще *полыхая* внутри, начинает сереть пеплом снаружи. Очи его, как пепел, развеялись перед гудевшей толпой, а бессильное тело, слезая с трибуны, как будто валилось в огромную ночь, сопровождаемое насмешками.

По улицам спящего города, возвращаясь к себе, *семеняло* бессильное тело, жующее ртом, *нахлобучившее* на лоб раздавленную шляпу; а из-под серой шляпы, печально устываясь в лужу, вращало своими бессмысленными *бёльмами* образований из плоти, похожее лицом на лицо *цензора* и поэта *А. Майкова* – в гробе. Между тем подлинный Иван Иванович, поднявшийся на террасу огромнейшей башни, стоял, опершись на перила, и созерцал миры звёзд, переменявших свои места в небе, и к нему мчалась звезда его, чтобы отнести его навсегда к ожидающему Учителю.

В начале июля 1918 года двигалась процессия к Новодевичьему монастырю. Хоронили Иван Ивановича. Помощник управляющего музеем, сопровождая красивую даму, задумчиво говорил: «Знаете ли, всё на свете бывает... Говорят, есть на свете масоны... Сдаётся мне, что масоном был и наш дорогой покойник».

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Как характеризуется герой рассказа?
2. Какие странности в поведении Коробкина отмечают окружающие?
3. Какие правила придумывает для себя герой?
4. Какими необыкновенными способностями обладает Коробкин?
5. Как и почему герой воспринимает революцию?
6. С какой целью герой выступает перед толпой?

7. Как автор относится к герою?
8. В чём смысл названия рассказа?

Леонид Андреев

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием.

Винт – карточная игра для четырёх человек. *Большой шлем* – редкое сочетание наиболее значимых для игры карт. *Масть* – определённый вид карт. *Козырь* – карточная масть, которая в данной конкретной игре условно считается главной. *Взятка* – в карточной игре выигранные карты. *Ремиз* – недобор взяток. *Ремизиться* – пытаться получить в игре недостающие для выигрыша взятки. *Пики, черви, трефы, бубны* – карточные масти. *Купить* – в карточной игре: получить. *Прикуп* – набор карт, получаемый игроками сверх данных по правилам игры. *Раскрыть прикуп* – показать полученные в результате прикупа карты. *Туз, король, дама, валет* и др. – разряды карт по степени важности. *Крупные кредитки*. *Кредитка* (устар.) – банкнота. *Тянучка* – мягкая конфета. *Сюртук* – мужская двубортная одежда с длинными, до колен, полами. *Ярмо* – груз, бремя. *Дряхлый* – старый, ветхий. *Запаздывать* – опаздывать. *Приготовить мелок* – в винте карточные выигрыши и проигрыши записываются мелом на скатерти. *Портьера* – штора из плотной ткани. *Паралич сердца* (устар.) – инфаркт. *Грудная жаба* – астма.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний:

копилка, веер, бульвар, снисходительный, нарочно, домовладелец, припадок, сплунуть, хрустнуть, дробный, убедиться, посторонний, наставительно, отголосок, поспешно, обособление, комбинировать, капризничать, постоялец, беспомощно, покорно, оглашать, распоряжаться, (на)крахмалить, бездушный, симпатия, партнёр, вдумчиво, каприз, дерзкий, хмурый, безболезненный, непоправимо.

Задание 2. Прочитайте текст.

Большой шлем

Они играли в *винт* три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам; воскресенье было очень удобно для игры, но его пришлось оставить на долю всяким случайностям: приходу посторонних, театру, и поэтому оно считалось самым скучным днем в неделе. Впрочем, летом, на даче, они играли и в воскресенье. Размещались они так: толстый и горячий Масленников играл с Яковом Ивановичем, а Евпраксия Васильевна – со своим мрачным братом, Прокóпием Васильевичем.

И хотя в денежном отношении игра была ничтожная, а Евпраксия Васильевна и ее брат в деньгах не нуждались, но она не могла понять

удовольствия игры для игры и радовалась, когда выигрывала. Выигранные деньги она откладывала отдельно, в копилку, и они казались ей гораздо важнее и дороже, чем те *крупные кредитки*, которые приходилось ей платить за дорогую квартиру и выдавать на хозяйство. Для игры собирались у Прокопия Васильевича, так как во всей обширной квартире жили только они вдвоем с сестрой.

Вначале, когда создалось распределение на пары, им особенно был недоволен старший из игроков, Масленников. Он возмущался тем, что ему постоянно придется иметь дело с Яковом Ивановичем, то есть, другими словами, бросить мечту о *большом бескозырном шлеме*. И вообще они с партнером совершенно не подходили друг к другу. Яков Иванович был маленький, сухонький старичок, зиму и лето ходивший в *сюртукé* и брюках, молчаливый и строгий. Являлся он всегда ровно в восемь часов, ни минутой раньше или позже, и сейчас же брал мелок сухими пальцами, на одном из которых свободно ходил большой бриллиантовый перстень. Но самым ужасным для Масленникова в его партнере было то, что он никогда не играл больше четырех, даже тогда, когда на руках у него имелась большая и верная игра.

Однажды случилось, что как начал Яков Иванович ходить с двойки, так и отходил до самого *туза*, взяв все тридцать *взяток*. Масленников с гневом бросил свои карты на стол, а седенький старичок спокойно собрал их и записал результат, какой следует при четырех. «Но почему же вы не играли большого шлема?» – вскрикнул Николай Дмитриевич (так звали Масленникова). «Я никогда не играю больше четырех», – сухо ответил старичок и наставительно заметил: «Никогда нельзя знать, что может случиться». Так и не мог убедить его Николай Дмитриевич.

Так играли они лето и зиму, весну и осень. *Дряхлый* мир покорно нес тяжёлое *ярмо* бесконечного существования и то краснел от крови, то обливался слезами, оглашая свой путь в пространстве стонами больных, голодных и обиженных. Слабые отголоски этой тревожной и чуждой жизни приносил с собой Николай Дмитриевич. Он иногда *запоздывал* и входил в то время, когда все уже сидели за разложенным столом и карты розовым веером выделялись на его зелёной поверхности.

Николай Дмитриевич, краснощёкий, пахнувший свежим воздухом, поспешно занимал своё место против Якова Ивановича, извинялся и говорил: «Как много гуляющих на бульваре. Так и идут, так и идут...». Евпраксия Васильевна считала себя обязанной, как хозяйка, не замечать странностей своих гостей. Поэтому она отвечала одна, в то время как старичок молча и строго *приготавливал мелок*, а брат её распоряжался насчёт чаю. «Да, вероятно, погода хорошая. Но не начать ли нам?»

И они начинали. Высокая комната, уничтожавшая звук своей мягкой мебелью и *портёрами*, становилась совсем глухой. Горничная неслышно двигалась по пушистому ковру, разнося стаканы с крепким чаем, и только

шуршали её накрахмаленные юбки, скрипел мелок и вздыхал Николай Дмитриевич, поставивший большой *ремиз*. Для него наливался жиденький чай и ставился особый столик, так как он любил пить с блюдца и непременно с *тянучками*.

Особенное волнение появлялось у всех игроков, когда назначала большую игру Евпраксия Васильевна. Она краснела, терялась, не зная, какую класть ей карту, и с мольбой смотрела на брата, а другие двое партнёров с рыцарским сочувствием к её женственности и беспомощности ободряли её снисходительными улыбками и терпеливо ожидали.

В общем, однако, к игре относились серьёзно и вдумчиво. Карты уже давно потеряли в их глазах значение бездушной материи, и каждая *масть*, а в масти каждая карта в отдельности, была строго индивидуальна и жила своей обособленной жизнью. Масти были любимые и нелюбимые, счастливые и несчастливые. Карты комбинировались бесконечно разнообразно, и разнообразие это не поддавалось ни анализу, ни правилам, но было в то же время закономерным. И в закономерности этой заключалась жизнь карт, отдельная от жизни игравших в них людей. Люди хотели и добивались от них своего, а карты делали своё, как будто они имели свою волю, свои вкусы, симпатии и капризы.

Черви особенно часто приходили к Якову Ивановичу, а у Евпраксии Васильевны руки постоянно полны бывали *тик*, хотя она их очень не любила. Случалось, что карты капризничали, и Яков Иванович не знал, куда деваться от пик, а Евпраксия Васильевна радовалась *червям*, назначала большие игры и *ремизилась*. И тогда карты как будто смеялись. К Николаю Дмитриевичу ходили одинаково все масти, и ни одна не оставалась надолго, и все карты имели такой вид, как постояльцы в гостинице, которые приезжают и уезжают, равнодушные к тому месту, где им пришлось провести несколько дней. Иногда несколько вечеров подряд к нему ходили одни двойки и тройки и имели при этом дерзкий и насмешливый вид. Николай Дмитриевич был уверен, что он оттого не может сыграть большого шлема, что карты знают о его желании и нарочно не идут к нему, чтобы позлить. И он притворялся, что ему совершенно безразлично, какая игра у него будет, и старался подольше не *раскрывать прикупа*. Очень редко удавалось ему таким образом обмануть карты; обыкновенно они догадывались, и, когда он раскрывал прикуп, оттуда смеялись три шестёрки и хмуро улыбался пиковый король, которого они затащили для компании.

Произошли и другие события вне карточной игры. У Евпраксии Васильевны умер от старости большой белый кот и, с разрешения домовладельца, был похоронен в саду под липой. Затем Николай Дмитриевич исчез однажды на целых две недели, и его партнёры не знали, что думать и что делать, так как винт втроём ломал все

установившиеся привычки и казался скучным. Сами карты точно сознавали это и сочетались в непривычных формах.

Когда Николай Дмитриевич явился, розовые щёки, которые так резко отделялись от седых пушистых волос, посерели, и он весь стал меньше и ниже ростом. Он сообщил, что его старший сын за что-то арестован и отправлен в Петербург. Все удивились, так как не знали, что у Масленникова есть сын; может быть, он когда-нибудь и говорил, но все позабыли об этом. Вскоре после этого он ещё один раз не явился, и, как нарочно, в субботу, когда игра продолжалась дольше обыкновенного, и все опять с удивлением узнали, что он давно страдает *грудной жабой* и что в субботу у него был сильный припадок болезни. Но потом все опять установилось, и игра стала даже серьёзнее и интереснее, так как Николай Дмитриевич меньше развлекался посторонними разговорами.

Но в четверг, 26 ноября, в картах произошла странная перемена. «Ну и везёт вам сегодня», – мрачно сказал Масленникову брат Евпраксии Васильевны, сильнее всего боявшийся слишком большого счастья, за которым идет также большое горе. Евпраксии Васильевне было приятно, что наконец-то к Николаю Дмитриевичу пришли хорошие карты, и она на слова брата три раза сплюнула в сторону, чтобы предупредить несчастье. «Тьфу, тьфу, тьфу! Ничего особенного нет. Идут карты и идут, и дай бог, чтобы побольше шли».

Карты на минуту словно задумались в нерешительности, мелькнуло несколько двоек со смущённым видом – и снова с усиленной быстротой стали являться тузы, короли и дамы. Когда после сдачи карт мрачным Прокопием Васильевичем Масленников раскрыл свои карты, сердце его заколотилось и сразу упало, а в глазах стало так темно, что он покачнулся – у него было на руках двенадцать взяток: *трёфы* и черви от туза до десятки и бубновый туз с королём. Если он *кутит* пикового туза, у него будет большой бескозырный шлем. «Два без козыря», – начал он, с трудом справляясь с голосом. «Три пики», – ответила Евпраксия Васильевна, которая была также сильно взволнована: у нее находились почти все пики, начиная от короля. «Четыре черви», – сухо отозвался Яков Иванович. Николай Дмитриевич сразу повысил игру на малый шлем, но разгорячённая Евпраксия Васильевна не хотела уступать и, хотя видела, что не сыграет, назначила большой в пиках. Николай Дмитриевич задумался на секунду и с некоторой торжественностью, за которой скрывался страх, медленно произнёс: «Большой шлем в *бескозырях!*». Николай Дмитриевич играет большой шлем в *бескозырях!* Все были поражены, и брат хозяйки даже крикнул: «Ого!».

Николай Дмитриевич протянул руку за прикупом, но покачнулся и повалил свечку. Евпраксия Васильевна подхватила её, а Николай Дмитриевич секунду сидел неподвижно и прямо, положив карты на стол, а потом взмахнул руками и медленно стал валиться на левую сторону.

Падая, он свалил столик, на котором стояло блюдечко с налитым чаем, и придавил своим телом его хрустнувшую ножку.

Когда приехал доктор, он нашёл, что Николай Дмитриевич умер от *паралича сердца*, и в утешение живым сказал несколько слов о безболезненности такой смерти. Покойника положили на турецкий диван в той же комнате, где играли, и он, покрытый простынёй, казался громадным и страшным.

Яков Иванович мелкими и неуверенными шагами ходил по комнате, стараясь не глядеть на покойника и не сходить с ковра на натёртый паркет, где высокие каблуки его издавали дробный и резкий стук. Пройдя несколько раз мимо стола, он остановился и осторожно взял карты Николая Дмитриевича, рассмотрел их и, сложив такой же кучкой, тихо положил на место. Потом он посмотрел прикуп: там был пиковый туз, тот самый, которого не хватало Николаю Дмитриевичу для большого шлема.

Но одно соображение, ужасное в своей простоте, потрясло худенькое тело Якова Ивановича и заставило его вскочить с кресла. Оглядываясь по сторонам, как будто мысль не сама пришла к нему, а кто-то шепнул её на ухо, Яков Иванович громко сказал: «Но ведь никогда он не узнает, что в прикупе был туз и что на руках у него был верный большой шлем!».

И Якову Ивановичу показалось, что он до сих пор не понимал, что такое смерть. Но теперь он понял, и то, что он ясно увидел, было до такой степени бессмысленно, ужасно и непоправимо. Никогда не узнает! Если Яков Иванович станет кричать об этом над самым его ухом, будет плакать и показывать карты, Николай Дмитриевич не услышит и никогда не узнает, потому что нет на свете никакого Николая Дмитриевича. Еще одно бы только движение, одна секунда чего-то, что есть жизнь, – и Николай Дмитриевич увидел бы туза и узнал, что у него есть большой шлем, а теперь всё кончилось, и он не знает и никогда не узнает.

«Ни-ко-гда», – медленно, по слогам, произнес Яков Иванович, чтобы убедиться, что такое слово существует и имеет смысл. Такое слово существовало и имело смысл, но он был до того чудовищен и горек, что Яков Иванович снова упал в кресло и беспомощно заплакал от жалости к тому, кто никогда не узнает, и от жалости к себе, ко всем, так как то же страшно и бессмысленно жестокое будет и с ним и со всеми. Он плакал и играл за Николая Дмитриевича его картами, и брал взятки одна за другой, пока не собралось их тринадцать, и думал, как много пришлось бы записать и что никогда Николай Дмитриевич этого не узнает. Это был первый и последний раз, когда Яков Иванович отступил от своих правил и сыграл во имя дружбы большой бескозырный шлем.

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Как для героев рассказа соотносятся игра и жизнь?
2. Почему игра для героев текста так важна? Зачем они играют?

3. Как они воспринимают карты?
4. Что знают герои друг о друге?
5. Как описываются герои рассказа?
6. В чём похож и в чём отличается Масленников от своих партнёров?
7. Что для Масленникова большой шлем?
8. Почему Яков Иванович заканчивает игру за Масленникова?

Евгений Замятин

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием.

Швейцар – сторож при дверях жилых домов. *Мамай*. Рассказ строится на игре с именем героя. Исторически *Мамай* – военачальник Золотой Орды (14 в.), прославившийся жестокостью и непримиримостью. *Супруга ожидают* – устар. граммат. форма вежливости. *Господин / товарищ* – конкурирующие в первые послереволюционные годы формы обращения – «буржуазное» и «советское». *Снять* – т. е. снять с плеч при ограблении. *Уполномоченный* – должность в первые годы Советской власти. *Атланты Эрмитажа* – каменные фигуры Атлантов, поддерживающие карниз Эрмитажа в Петербурге. *Атланты* – в греческой мифологии необыкновенно сильные бессмертные герои, поддерживающие небо. *Набат* – сигнал к сбору людей по случаю пожара, наводнения и т. п. *Труба архангела* – зд.: знак конца мира. *В двенадцатом году при французах* – в 1812 г. во время войны с Францией, когда была сожжена Москва. *Уцелеть* – сохраниться. *Закон Божий* – один из предметов в дореволюционной школе в России, свод сведений о правилах религиозной жизни православного человека. *Юркать* – быстро прятаться, скрываться. *Шарить рукой* – искать что-нибудь наощупь. *Распаяться* – разойтись по швам (о металлическом изделии). *Нюх* (разг.) – чутьё, обоняние. *Ордер* – приказ, распоряжение. В рассказе появление без ордера тех, кто пришел делать обыск, – это появление вооружённых бандитов, выдающих себя за представителей власти. *Нынче* (устар.) – сегодня. *Сердобольный* – сострадательный. *Передняя* – небольшая комната или часть коридора перед входом в жилые помещения квартиры, где оставляют верхнюю одежду и обувь. *Вощёный*. 1. Пропитанный воском. 2. Непромокаемый (о бумаге). *Погрести* – похоронить; зд. (иронич.): спрятать. *Ни зги не видно* (фразеол.) – не видно ничего. *Японская*. Имеется в виду *русско-японская война* 1904–1905 гг. за господство в северном Китае и Корее. *Пристичило* (разг.) – возникла крайняя необходимость. *Екатерининских времён* – т. е. времен императрицы Екатерины II (вторая половина 18 в.). *Прекрасности* (устар.) – красоты. *Серенада* – ночная песня, которую поют под окнами возлюбленной для того, чтобы признаться в любви. *Черномор* – герой «Руслана и Людмилы» А.С. Пушкина, зд. (иронич.): пожилой бородатый человек. *Рыскать* – торопливо ходить, бегать. *Для почину* (устар.) – для

начала. *Пригвоздить*. Букв. «прибить гвоздями»; перен. «присоединить к чему-либо с помощью острого предмета»; зд.: прибить к стене ножом. *Труха* – пыль.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний:

каюта, пассажир, трап, кают-компания, пробоина, хлынуть, взбунтоваться, осаждают, регулировать, затруднительный, отряхнуть, карниз, виртуозно, обыск, учуять (почуять), паркет, лукавство, салют, почтение, педагог, достоверный, всевидящий, гипсовый, трепет, красть, кинжал, револьвер, искусно, заряженный, экземпляр, велеть, жуткий, ливень, пронизывать, сечь, самовар, подкладка, шататься, скорчиться, гном, Провидение, сладострастно, чужеземный, лохмотья, племя.

Задание 2. Прочитайте текст.

Мама́й

По вечера и ночам домов в Петербурге больше нет: есть шестиэтажные каменные корабли. Одиноким шестиэтажным миром несётся корабль среди других каменных кораблей во взбунтовавшемся каменном океане улиц. И, конечно, в каютах не жильцы – там пассажиры. По-корабельному просто все незнакомо-знакомы друг с другом, все – граждане осаждённой ночным океаном шестиэтажной республики.

Пассажиры каменного корабля № 40 по вечерам неслись в той части петербургского океана, что обозначена на карте под именем Лахтинской улицы. Осип, бывший швейцар, а ныне – гражданин Малафеев, стоял у парадного трапа и сквозь очки глядел туда, во тьму: иногда волнами ещё прибывало одного, другого. Мокрых, засыпанных снегом, вытаскивал их из тьмы гражданин Малафеев и, передвигая очки на носу, регулировал для каждого уровень почтения.

Вот – очки на кончике носа, как у строгого педагога: это – Петру Петровичу Мамаю. «Вас, Пётр Петрович, *супруга ожидают* обедать. Сюда приходили, очень расстроённые. Как же вы это поздно так?» Затем очки плотно усаживаются на нос: приехал жилец из двадцать пятого – на автомобиле. С этим носатым господином – очень затруднительно: «*господином*» его называть нельзя, «*товарищем*» – будто неловко. Как бы это так сказать... «А, господин-товарищ Мыльник! Погодка-то, господин-товарищ Мыльник... затруднительная...» И наконец – очки на лоб, наверх: на борт корабля вступал Елисей Елисеич. «Ну, Слава Богу! Благополучно? В шубе-то вы, не боитесь – *снимут?* Позвольте – отряхну...»

Елисей Елисеич – капитан корабля: *уполномоченный* дома. И Елисей Елисеич – один из тех *Атлантов*, что, согнувшись, семьдесят лет несут на Миллионной карниз *Эрмитажа*. Сегодня карниз был явно тяжелее, чем всегда. Елисей Елисеич задыхался: «По всем квартирам... Скорее... На

собрание...» «Бáтюшки! Елисей Елисеич, или опять что-нибудь... затруднительное?»

Но ответа не нужно: сто́ит только взглянуть на страдальчески смóрщенный лоб, на придавленные тяжестью плечи. И гражданин Малафеев, виртуóзно управляя очками, побежал по квартирам. *Набáтный* его стук у двери – как *труба архáнгела*: замерзáли объятия, неподвижно застывали сóбы, на пути ко рту останáвливалась ложка с супом.

Суп ел Петр Петрович Мама́й. Или точнее: его строжáйше кормила супруга. Величественно сидя на кресле, мило́стиво, походя на Будду, – она кормила земного человека сóзданным ею супом: «Ну, скорей же, Петенька, суп остынет. Сколько раз говорить: я не люблю, когда за обедом с книгой...» «Ну, Аленька, ну я сейчас, я сейчас... Ведь шестое издание! В *двенадцатом* году при французах всё сгорело, и все думали – *уцелело* только три экземпляра... А вот – четвёртый: понимаешь? Я вчера в одном магазине чúдом нашёл...»

Мама́й 1917-го года завоёвывал книги. Десятилетним мальчиком он учил *Закон Божий*, радовался перьям, и его кормила мать; сорокалетним лысым мальчиком он служил в страховом обществе, радовался книгам, и его кормила супруга. «Ну, Пётенька, да что же это? Кричу-кричу, а ты со своей книгой... Огло́х, что ли: стучат». Петр Петрович – в переднюю. В дверях – очки на кончике носа: «Елисей Елисеич велели – чтоб на собрание. Скорее». «Ну вот, только за книгу сядешь... Ну что это еще такое?» – у лысеню́го мальчика в голосе слёзы. «Не могу знать. А только чтоб скорее...» – дверь захло́пнулась, Осип понёсся дальше.

На корабле было явно неблагополúчно: быть может, потерян курс; может быть, где-нибудь пробóина и жúткий океан улиц уже грозит хлынуть внутрь. Где-то наверху, и вправо, и влево – тревожно стучат в двери кают; где-то на полутёмных площадках разговоры вполгóлоса и то́пот ног, сбегáющих вниз, в кают-компáнию, в домо́вый клуб.

Там – оштукату́ренное небо, всё в табáчных грозových тучах. Душная тишина, чуть-чуть чей-то шёпот. Елисей Елисеич позвонил в колоко́льчик и обру́шил на зал страшные новости: «Господа! По достоверным свéдениям – сегодня ночью обыски». Гул, грóхот стульев, ливень вопросов на согну́вшегося Атлáнта: «Нет, позволъте, мы обязаны принять меры...» «Как? И бумажные деньги?» «Елисей Елисеич, я предлагаю, чтобы ворота закрыли...» «В книги, самое верное – прятать деньги в книги...»

Пассажиры *юркали* из каюты в каюту и вели себя очень странно: лёжа на полу, *шáрили* рукой под шкафом; заглядывали внутрь гипсовой головы Льва Толстóго; вынимáли из ráмы бабушкин портрет. Земной человечек – Мама́й – стоял лицом к лицу с Буддой и прятал глаза от всевидящего, пронизывающего трéпетом взгляда. «Не понимаю, ты-то чего стру́сил? Даже нос побелёл! Нам-то что? Какие-такие тысячи у нас?» Мама́й задрожáл: «У меня... то есть у нас... четыре тысячи двести...» «Что? У

тебя? Откуда?» «Я... понемно́гу всё время... Я боялся тебя каждый раз...» «Что? Значит, крал? Значит, меня обманывал? А я-то, несчастная, – я-то думала: уж мой Петенька... Несчастливая!» «Я для книг...» «Знаю я эти книги в юбках! Молчи!»

Десятилетняя Мама́я мать секлá только один раз в жизни: когда у только что поставленного самовáра он отверну́л кран – вся вода вытекла, и всё *распаялось*. И теперь второй раз в жизни чувствовал Мама́й: голова зажата у матери под мышкой, штаны спúщены – и...

И вдруг мальчишески-хитрым *нюхом* Мама́й учу́ял, как заставить забыть четыре тысячи двести. Жáлостным голосом он обратился к жене: «Мне *нынче* дежу́рить во дворе до четырёх утра. С револьвёром. И Елисей Елисеич сказал, если придут *без о́рдера*...» Мгновенно – вместо грозного Будды – полногрудая, *сердобóльная* мать: «Гóсподи! Да они с ума сошли! Это всё Елисей Елисеич. Ты смотри у меня – и в самом деле не взду́май...» «Ну что ты, я только так, в кармане... Разве я могу? Я и муху-то...» И снова – Будда: «Ну что мне за наказание с тобой! Ну, куда же ты теперь денешь эти твои кра́деные – нет, уж, пожалуйста, молчи – кра́деные деньги?»

Книги, обувь в *перéдней*, самовáрная труба, подклáдка у шапки, ковёр на стене в спальне, раскрытый зонтик, конверт на имя вымышленного товарища Гольдебáева... Нет, опасно... И наконец около полночи решено было всё построить на тончáйшем психологическом расчёте: будут искать где угодно – только не на пороге, а у порога шатáется вот этот квадратик паркёта... Кинжáльчиком для разрезáния книг иску́сно поднят квадратик. Кра́деные четыре тысячи завёрнуты в *вощёную* бумагу из-под бисквитов (под порогом может быть сыро) – и четыре тысячи *погребены* под квадратиком.

Корабль № 40 – весь как струна́, на цыпочках, шёпотом. Окна лихора́дочно сверка́ют в тёмный океан улиц. То там, то здесь отодвигáется штора. Но нет, *ни зги*. Впрочем, ведь там, на дворе – двое, и когда начнё́тся, они дадут знать... Третий час. На дворе тишина. Вокруг фонаря над воротами кружится снег. Внизу, с очками на кончике носа, философствовал гражданин Малафеев. «Я – человек тихий, мне затруднительно в такой злобе жить. Дай, думаю, в Остáшков к себе съезжу. Приезжаю – междунаро́дное положение прямо невозможное: все друг на дружку глядят, как волки. А я так не могу: я человек тихий...»

В руках у тихого человека – заряженный револьвер. «А как же вы. Осип, *на японской*: убивали?» «Ну то на войне. На войне – известно». «Ну а как же штыком-то?» «Да как-как... Оно вроде как в арбу́з: сперва ту́го идёт – ко́рка, а потом ничего, очень свободно...» У Мама́я от арбуза – мороз по коже. «А я бы... Вот хотя бы меня самого сейчас – ни за что...» «Погодите! *Присти́чит* – так и вы...» Тихо. Снег вьётся вокруг фонаря.

Вдруг издали – винтовочный выстрел, и опять тихо. Слава Богу: четыре часа утра, сегодня уже не придут. Сейчас смена и домой – спать...

Корабль № 40 благополучно пронёсся сквозь шторм и пристал к утренней пристани. Пассажиры торопливо вынимали деловые портфели, корзины для еды и мимо швейцара у входа спешили на берег: корабль на пристани – только до вечера, а там – опять океан.

В странном, незнакомом городе – Петрограде – растерянно бродили пассажиры. Так чем-то похоже – и так непохоже – на Петербург, откуда уплыли вот уже почти год и куда, скорее всего, уже не вернуться. Станные, замёрзшие за ночь волны из снега: горы и ямы. Воины какого-то неизвестного племени – в странных лохмотьях, оружие на верёвочках за плечами. Чужеземный обычай – ходить в гости с ночёвкой: на улицах ночью – настоящие разбойники. И вот тут на улице рядом с домом – капельки крови на снегу... Нет, это не Петербург!

По незнакомому Загородному проспекту потерянно бродил Мамай. Мешали неудобные пингвиньи крылышки пальто, голова висела, как кран у распявшегося самовара. На стоптанном каблуке – ком снега. И вдруг – вздрюнулась голова, ноги стали шагать, как у двадцатилетнего, на щеках появились маки румянца. Из окна улыбалась, раскинувшись соблазнительно, сладострастно, – *екатерининских времён* книга: «Описательное изображение прекрасностей Санкт-Петербурга». И небрежным движением, с женским лукавством, давала заглянуть внутрь – туда, в пространство между раскрытых страниц. Мамай был влюблён, как двадцатипятилетний юноша. Каждый день он ходил на Загородный проспект и молча, глазами, пел *серенады*. Не спал по ночам – и хитрил сам с собой: будто оттого не спит, что где-то под полом работает мышь.

На четвёртый день, зажав бьющееся сердце в кулак, Мамай вошёл в дверь книжного магазина. За прилавком – седобородый *Черномор*, в плену у которого обитала она. В Мамае воскрес его воинственный предок. Мамай перелистывал, притворно-любовно поглаживал книги, но жил спиной: за спиной в витрине улыбалась она. Выбрав пожелтевший «Телескоп» 1835 года, Мамай долго торговался – и безнадежно махнул рукой. Потом, долгими кругами *рыская* по полкам, добрался до окна и как бы между прочим спросил: «А эта сколько?» «Да что же – для *почину*... с вас полтораста». «Что ж, пожалуй... (Ура! В голове у Мамаю прогремел праздничный салют) Завтра принесу деньги и заберу».

Теперь надо самое страшное: залезть под квадратик возле порога. Ночь Мамай пёкса на угольях: нужно – нельзя, можно – немисливо, можно – нельзя... Всеведущее, милостивое, грозное – Провидение в обручальном кольце пило чай. «Ну, кушай же, Петенька. Что-то сегодня какой-то... Не спал опять?» «Да, мыши, не знаю...» Но вот выпит стакан чаю, не стакан – а огромная (так показалось Мамаю) сорокаведёрная

бочка. Будда ушла на кухню принимать жертвоприношение от кухарки. Мамай остался в кабинете один.

Мамай тикнул, как часы – перед тем, как пробить двенадцать. Глотнул воздуха, прислушался, на цыпочках – к письменному столу, там кинжальчик для книг. Потом в лихорадке гномиком скорчился на пороге, на лысине – ледяной пот, запустил кинжальчик под квадрат паркета и – крик отчаяния!

На крик Будда пригемела из кухни – и у ног увидала: лысина тыквенного цвета, ниже – скорченный гномик с кинжальчиком, а ещё ниже – мельчайшая бумажная *труха*. «Четыре тысячи – мыши... Вон она! Вон!» Жестокий, беспощадный, как Мамай 1380-го года, Мамай 1917-го года поднялся с колен – и кинулся с мечом к двери: в угол забила выбежавшая из-под квадратика мышь. И мечом Мамай кровожадно *пригвоздил* врага. Арбуз: одну секунду туго – корка, потом легко – мякоть, и стоп: квадратик паркета, конец.

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Почему в рассказе дом сравнивается с кораблём, а его жильцы – с пассажирами?
2. Как характеризуется герой рассказа? Что о нём известно?
3. Как рисуется жена Мамаю?
4. Чего боятся жители дома?
5. Чего больше всего боится Мамай?
6. Как Мамай воспринимает книги?
7. Что означают деньги для героя?
8. В чем смысл сравнения Петра Мамаю с историческим Мамаем?

Осип Мандельштам

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием.

Ряса – одежда священника. *Поп* (разг.) – священник. *Сукно* – ткань. *Даром что* = хотя и. *Ладан* – ароматическая смола, которую жгут в церкви во время богослужения. *Полугрейка* (ирон.) – зимняя одежда, которая не даёт никакого тепла. *Ни то ни сё* – что-то негодное, никчёмное. *Дешевле пареной репы* – т. е. необыкновенно дешёвые. *Шубёник* – продавец шуб. *Норов* – характер (резкий, решительный). *Брезговать* – пренебрегать. *Внакидку* – способ носить верхнюю одежду, не продевая руки в рукава и не застёгивая пуговицы (набросив на плечи). *Тулуп* – долгополая меховая шуба. *Никчёмный* – бесполезный; зд.: холодный, не способный согреть. *Напялить* (разг.) – надеть. *Невзрачное* – некрасивое, непривлекательное. *Выпушка* – меховая обшивка одежды. *Митрополичий* – зд.: такой, где много священников (в контексте – основных покупателей шуб). *Обнова* – новая вещь в одежде. *Порознь* – в отдельности. *Паёк* – получаемый от

государства в награду за службу набор продуктов. В первые годы после революции небольшой паёк выдавали писателям, художникам, учёным. *Дом Искусств* – своего рода общежитие для деятелей искусств, организованное в Петербурге (Петрограде) в 1920–1922 гг. в большом здании в центре города. До революции часть помещений в нём занимал банк, часть была отведена под *меблированные комнаты* (недорогую гостиницу), оставшаяся часть была огромной квартирой владельца продуктовых магазинов Елисеева. *Жгучий* (от *жечь*) – обжигающий; зд.: необыкновенно холодный. *Грохнуть* – бросить с шумом. *Ломберный стол* – стол для карточной игры. *Убогий* – жалкий. *Одичалый* – ставший диким. *Унывать* – отчаиваться. *Шкловский* – выдающийся литературный критик и писатель. *Задорнейший*. *Задор* – страсть, пыл. *Броневик* – покрытый бронёй автомобиль. *Киот* – рама для икон. *Челядь* (устар.) – слуги. *Канцелярский валежник* (метаф.) – зд.: картон. *Розанов* – русский писатель начала XX в., о котором Шкловский написал большую статью. *Шагинян* – русская советская писательница, прославившаяся, главным образом, серией книг о жизни В. Ленина. *Не от мира сего* (фразеол.) – странный, не приспособленный к обычной жизни человек. *Трудовая повинность* – накладываемая государством на всех без исключения граждан обязанность выполнять ту или иную физическую работу. *Снобический саботаж*. *Сноб* – человек, всячески подчёркивающий свою принадлежность «высшему», избранному обществу. *Саботаж* – сознательное невыполнение кем-либо своих обязанностей, приводящее к тяжёлым последствиям. *Скарб* – имущество, пожитки. *Хоромы* (устар., иронич.) – дворец. *Ходасевич* – русский поэт и литературный критик. *Страдная* – зд.: наполненная страданиями, испытаниями. *Совестно* – стыдно. *Ютиться* – жить на небольшом пространстве. *Берлога* – жилище медведя; зд. (иронич.): неухоженная квартира. *Рявкнуть* – крикнуть. *Извозчик* (устар.) – кучер, перевозящий пассажиров за плату. *Топорициться* – стоять торчком; зд.: делать что-то с подчёркиванием особой значимости дела. *С чем бы я стал есть земную соль?* = чем бы я жил? *Чин* – звание, должность; зд.: общественное положение, статус. *Домочадцы* – люди, живущие дома на правах родственников. *Тахта* – широкий диван без спинки. «*Весы*», «*Северные цветы*», «*Скорпион*» – литературные журналы рубежа XIX – начала XX вв. *Радищев*, *Новиков* – русские писатели XVIII в. *Водится* – зд.: бывает. *Патриархат* – церковь, управляемая патриархом; зд.: набор наиболее значимых имён русских писателей. *Дом полная чаша* (фразеол.) – дом, в котором есть всё, счастливый, богатый. *Вальсингам* – герой драмы А.С. Пушкина «Пир во время чумы», председатель весёлого застолья в чумном городе; зд.: символ свободы, сопротивления любым жизненным обстоятельствам. *Мэри* – одна из героинь «Пира во время чумы», исполнившая песню для развлечения собравшихся за столом. *Пушиевы огоньки*. *Пунш* – алкогольный напиток, приготовляемый из рома, чая,

воды, лимонного сока и фруктов. Из-за высокой крепости горит, как спирт. В XIX в. пунш приготавливали в дружеском кругу А.С. Пушкина и зажигали перед тем, как выпить. *Непомерная стужа* (книж.) – сильнейший мороз. *Пышущий льдом* – распространяющий во все стороны сильнейший холод. *Скорняк* – человек, снимающий шкуры с животных для изготовления меховых изделий.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний:

шуба, крой, ветренный, торг, устроиться, просторный, завещание, вата, подбить, перекупщик, подступиться, небывалый, обледенеть, замерзать, перила, роскошь, (полу)помешанный, буйный, темпераментный, захватить, буйный, залежи, добыча, монашеский, возложенный, багаж, учёт, сытость, оползень, барственный, псарня, шипение, самолюбие, анекдот, приправа, рычать, ворочаться, родовитый, государственный, неповторимый, пушной, ревновать, завидовать, камин, засмеять (осмеять), глазастый, псарня, пронзительный.

Задание 2. Прочитайте текст.

Шуба

Хорошо мне в моей стариковской шубе, словно дом свой на себе носишь. Спросят – холодно ли сегодня на дворе и не знаешь, что ответить, может быть и холодно, а я-то почём знаю.

Есть такие шубы, в них ходили *попы* и торговые старики, люди спокойные, несуетливые, себе на уме – чужого не возьмет, своего не уступит, шуба, что *ряса*: воротник стеной стоит, *сукно* тонкое, без возрасту, шуба чистая, просторная, и носить бы её, *даром что* с чужого плеча. Но не могу привыкнуть, пахнет чем-то нехорошим, сундукóм, да *ладаном*, духовным завещанием.

Купил я её в Ростове, на улице, никогда не думал, что шубу куплю. Ходили мы все петербуржцы, народ подвижный и ветренный, европейского кро́я в лёгоньких зимних, ватой подбитых, с детским воротничком, *полугрэйках*, *ни то ни сё*. Да соблазнил меня Ростов шубным торгом, город дорогой, ни к чему не подступишься, а шубы *дешевле пареной репы*.

Шубный товар в Ростове выносят на улицу перекупщики *шубёники*. Продают не спеша с *нóровом*, с характером. Миллионов не называют. Большим числом *брéзгают*. Спросят восемь, отдают за три. У них своя сторона, солнечная, на самой широкой улице. Там они расхаживают с утра до двух часов пополудни, с шубами *внакíдку* на плечах, поверх *тулупчика* или *никчёмного* пальтишки. На себя *напялят* самое *невзрачное*, негрéющее, чтобы товар лицом показать, что бы мех *выпушкой* играл соблазнительней.

Покупать шубу, так в Ростове. Старый шубный *митрополи́чий* русский город. Здесь гуляют поповские гладкие шубы без карманов: зачем попу карман, только знай запа́хивайся, деньги не убегут.

Не дает мне покоя моя шуба, тянет меня в дорогу, в Москву, да в Киев, – жалко зиму пропустить, пропадет *обно́ва*. Хочется мне на Крещати́к, на Арба́т, на Пречи́стенку. Хочется и в Ха́рьков, на Су́мскую, и в Петербу́рг на Большо́й проспеќт. Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в один большой, небывалый город, с вечно сонным путём, где Крещатик выходит на Арбат, и Сумская на Большой проспект. Я люблю этот небывалый город, больше, чем настоящие города *по́рознь*, люблю его словно в нем родился и никогда из него не выезжал.

Отчего же беспокойно мне в моей шубе? Или страшно мне в случайной вещи, – соскочила судьба с чужого плеча на мое плечо и сидит на нём, ничего не говорит, пока что устроилась.

Вспоминаю я, сколько раз я замерзал в разных городах за последние четыре года: и замерзание в Петербурге, возвращение с обледенёлым *пайко́м* в руках в комнату *Дома Искусств*, *жгу́чие* железные перила чёрной лестницы, без перчаток, никак до них не доберёшься, чудом поднимаешься на свой этаж, *грóхнешь* паёк на столик в *ку́хонку*, к старушонке, понемногу оттаять, прийти в чувство.

Жили мы в убогой роскоши Дома Искусств, в Елисе́евском доме, что выходит на Морскую, Невский и на Мо́йку, поэты, художники, учёные, странной семьёй, полупомёшанные на пайках, *одича́лые* и сонные. Не за что было нас кормить государству и ничего мы не делали.

Впрочем, молодые не унывали, особенно Виктор Борисович *Шкловский*, *задо́рнейший* и талантливейший литературный критик нового Петербурга, настоящий литературный *броневи́к*, весь буйное пламя, острое филологическое остроумие и литературного темпера́мента на десятирех. Он, как настоящий захватчик, утвердился революционным порядком в Елисе́евской спальне, с ками́ном, двуспальной постелью, *ки́отом* и окнами на Невский.

На него было любо смотреть, и Елисе́евская бывшая *челядь* его уважала и боялась. Вот он возвращается с огромным мешком карто́на на спине из путешествия по дрова. Комнаты нам топили плохо, зато тут же в доме находились нетро́нутые за́лежи топлива: бро́шенный банк, около сорока пустых комнат, где по колено навáлено толстых банковских карто́нов. Ходи кому не лень, но мы не решались, а Шкловский, бывало, пойдет в этот лес и вёрнется с огромной добычей. Затреши́т затóпленный *канцелярским ва́лэжником* ками́н, а хозяин разбросáет по *ло́мберным* елисе́евским *столам* и на кровати, и на стульях и чуть ли не на полу листочки с записками из *Розанова* и начнет кле́ить свою удивительную теорию о том, что Розанов писал роман и основал новую литературную форму.

Приехала к нам и *Мариэ́тта Шаги́нян*, прямо из Ростова, со своей мона́шеской глухотой, *не от мира се́го*, вернее не от нашего петербургского мира. Ее засмеяли, когда она, единственная из всего населения Дома Искусств, вышла на чи́стку снега, скромную *трудо́вую повинно́сть*, возло́женную на нас советской властью и встрéченную, конечно, *сноби́ческим саботáжем*.

Вспоминаю я моего соседа из бывших *меблиро́ванных комнат*, куда нас поселили за отсутствием места в *хоро́мах* Дома Искусств, – поэта *Владисла́ва Ходасе́вича*, чей негро́мкий, серебряный голос за двадцатилетие его поэтического труда подарил нам всего несколько стихотворений, прекрасных, как пенье соловья, неожиданных и звонких, как девический смех в морозную ночь.

Это была суровая и прекрасная зима 1920–21 года. Последняя *стра́дная* зима Советской России и я жалею о ней, вспоминаю о ней с нежностью. Я люблю Невский проспект, пустой и чёрный, как бочка, оживляемый только глаза́стыми автомобилями и редкими, редкими прохожими, взятыми на учёт ночной пустыней. Тогда у Петербурга оставалась одна голова, одни нервы.

Тяжело мне в моей шубе, как тяжела сейчас всей Советской России случайная сытость, случайное тепло, нехорошее добро с чужого плеча. Я спешу пройти в ней поскорее мимо окна гастрономического магазина, спешу рассказать знакомым, что заплатил за неё недо́рого, но больше всего мне *со́вестно* за мою шубу перед старушо́нкой, что *ю́тится* на кухне нашей квартиры. Она специально ездила прошлой осенью в Москву за вещами после покойного сына, а на обратном пути добрые люди посоветовали ей сдать вещи в бага́ж. У неё выкрали из багажа весь её жалкий *скарб*, всё, буквально всё, заработанное за всю жизнь.

Четверть века назад я с В.В. Гиппиусом, моим гимназическим учителем, вышел из его квартиры-*берло́ги*, квартиры-пещеры, где книги угрожают о́ползнем, как сыпучие стенки оврага. Он не подозвал, а *рвóкнул изво́зчика* таким властным голосом, словно его дожидáлась не жалкая лошаде́нка, а целая зимняя пса́рня с тройками. Ночь. Злитесь литератор в не по чину ба́рственной шубе. Поэтому, может быть, и я своей шубой так тепе́рь дорожу.

В.В. Гиппиус, учитель словесности, на самом деле преподавал детям не литературу, а гораздо более интересную науку – литературную злость. И зачем он *топо́рился* перед детьми? Разве им нужно шипение самолюбия, змеиный свист литературного анекдота? О, литературная злость! Если бы не ты, с чем бы я стал есть *земную соль*? Ты припра́ва к жизни, весёлое сознание своей неправоты, передаваемое русскими писателями друг другу из десятилетия в десятилетие.

Я и гимназистом знал, что около литературы бывают свидетели, как бы *домоча́дцы* её. От остальных свидетелей литературы В.В. Гиппиус

отличался своим злѳбным удивлением. У него было звериное отношение к литературе как к единственному источнику животного тепла. Он грѳлся о литературу, тѳрся о неѳ шерстью, рыжей щетинѳй волос и небритых щѳк. Придти к нему домой почти всегда значило его разбудить. В.В. Гиппиус спал на жѳсткой *тахтѳ* в кабинете, сжимая или старую книжку «*Весѳв*», или «*Северные цветы*», или номер «*Скорпиѳна*». Неужели литература – медведь, сосущий свою лапу, – тяжѳлый сон после службы на кабинетной тахте?

Я приходил к нему разбудить зверя литературы. Послушать, как он рычит, посмотреть, как он ворѳчается: приходил на дом к учителю «русского языка». Вся соль заключалась именно в хождѳнии «на дом», и сейчас мне трудно отделаться от ощущения, что я тогда бывал на дому у самой русской литературы. Никогда позже литература уже не была домом, семьѳй.

Начиная с *Радѳщева* и *Новикѳва*, у В.В. Гиппиуса устанавливалась личная связь с русскими писателями, любовное знакомство с благородной завистью, рѳвностью, с шутивным неуважѳнием, как *вѳдится* в семье. Власть оценок моего учителя длится надо мной и посейчас. Большое, совершенное с ним путешествие по *патриархату* русской литературы от восемнадцатого века до начала двадцатого. Потом только почитывал.

Литература девятнадцатого века была родовѳта. Дом еѳ был *полная чаша*. За широким столом сидели гости с *Вальсингамом*. Скинув шубу, с мороза входили новые. Голубые *пѳншевые огоньки* напоминали приходящим о самолюбѳи, дружбе и смерти. Стол облетѳла просьба: «Спой, *Мѳри!*», мучительная просьба последнего пира. Но менее красавицы, спевшей пронзительную песню, мил мне и тот, кто попросил о ней.

Оглядываясь на весь девятнадцатый век русской культуры, – разбившийся, завершѳнный, неповторимый, я хочу окликнуть столетие, я вижу в нем единство *непомѳрной стѳужи*, объединившей десятилетия в один день, в одну ночь, где страшная государственность – это печь, *пышущая льдом*.

И этот зимний период русской литературы представляется мне как нечто барственное, смущающее меня. Может быть, моя писательская шуба тому виной. Нельзя зверю стыдиться пушной своей шкуры. Зима его одела. Литература – зверь. *Скорняк* – ночь и зима.

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Что для героя значит его шуба? Почему он так еѳ дорожит?
2. О каком «небывалом» городе вспоминает рассказчик и почему?
3. Какими особенностями отличается жизнь в Доме Искусств?
4. В чѳм различие историй о Шкловском и Шагинян? Почему рассказчик их сопоставляет?
5. Как в тексте характеризуется В.В. Гиппиус?

6. Что означает выражение «в не по чину барственной шубе»?
7. Как и почему рассказчик воспринимает литературу?
8. Почему главным героем русской литературы XIX в. для рассказчика оказывается Вальсингам?

Михаил Шолохов

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием.

Стрянуть (диалект.) – садиться, заходить (о солнце). *Набухнуть* – расшириться от воды. *Черпало* = черпак. *Замшесть* – покрыться мхом. *Буркнуть* – неотчетливо и грубо сказать что-либо. *Свойский* (диалект.) – свой, наш, знакомый. *Откель* (диалект.) – откуда. *Ощерить* – рассердившись, оскалить зубы. *Аль* (диалект.) – или. *Потаѳнно* – тайно. *Спустить* (диалект.) – отпустить. *Год мой спустили* = закончился срок службы солдат одного со мной возраста. *Нескладно* – неумело. *Буровить* – задевать при движении, бороздить. *Напористей* – сильнее. *Норовисто* – резко, сильно. *Кособочась* – зд.: поворачивая. *Обломать* = сломать. *Окарачить* (диалект.) – обхватить. *Попыхивать* – зд.: пускать дым. *Небось* (диалект.) – наверное. *Чахнуть* – зд.: печалиться. *Слезами исходить* – много плакать. *Таковский* = такой. *Нажить свой приплод* – родить своих собственных детей. *Обсудить умом* (диалект.) – подумать. *Нонешний* (диалект.) – этот. *Братов* = братьев. *Энот* (диалект.) – этот. *Батя* (диалект.) – отец. *Гребостно* (диалект.) – неприятно, гадко. *Исть* (диалект.) – есть, кушать. *Побить* – зд.: убить. *Плодоуцая* (диалект.) – способная родить много детей. *Восьмерых голопузых нажеребила* (диалект., иронич.) – родила восьмерых детей. *Скопытиться* (диалект., иронич.) – умереть. *Кулик* – болотная птица. *Чернявый* – черноволосый. *Энот в матерю зародился* (диалект.) – этот был похож на мать. *Русявый* – светловолосый. *Коханый* (украинское) – любимый. *Ребятѳнки* – зд.: мальчики. *Вскорости* (диалект.) – скоро. *Хутор* – отдельно стоящий дом или ряд домов с хозяйственными постройками. *Счинался* (диалект.) – собирался. *Дитѳ* (разг.) – дитя, ребѳнок. *Сманывали* – уговаривали, агитировали. *Станица* – большое селение в казачьих областях. *Приневоливать* (диалект.) – заставлять. *Лавка* – зд.: скамья. *Чем попадая* – зд.: кое-как. *Позиции* – зд.: линия фронта. *Пасха* – в православии один из самых важных праздников, воскресенье Христа. *Голубь любѳий* (т. е. любимый) – ласковое обращение. *Сотенный, урядник, вахмистр* – воинские звания среди казаков. *Крыть* – зд.: бить. *Коммуны* (прост.) – коммунисты. *Поперѳд* (диалект.) – впереди. *Освежѳванный. Освежѳвать* – снять кожу. *Ежели не вдарю его* (диалект.) – если его не ударю. *Насилу* – еле. *Гоготать* – грубо и громко смеяться. *Омочать* (диалект.) – бить, убивать. *Прижелеиваешь своѳо* (диалект.) – жалеешь своего. *Кровица* –

кровь. *Мово* – моего. *Досель* (диалект.) – до сих пор. *Послабление* – зд.: освобождение. *Скрутить* – связать, поймать. *Люто* – жестоко. *Верста* – русская мера длины, равная пятистам сажням, 1066 м. *Сажень* – русская мера длины, 2,1 м. *Опосля* (диалект.) – потом. *Внапашку* – т. е. набросив на плечи. *Полтуя* – половина пути. *Часовенка* – маленький храм. *Миновать* – пройти мимо, оставить позади. *Яр* – овраг. *Покоить* – оберегать, хранить. *Вдарил в него в зад* – зд.: выстрелил ему в спину. *Помирать* (разг.) – умирать. *Лаять* (разг.) – хватать. *Ить* (диалект.) – ведь. *Скрозь* (диалект.) – между. *Хлобыщет* (разг.) – сильно льётся. *Мучен(иче)ский венец* (фразеол.) – зд.: смерть мученика. *Утирка* (диалект.) – полотенце. *Седой волос всего обметал* – т. е. стал совсем седой. *Теперича* (диалект.) – теперь. *Шорт* (диалект.) – чёрт.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний:

паром, паромщик, демобилизация, волочить, исполосовать, пухнуть, связка, узловатый, вёсла, пробоина, верба, кормилец, петля, рвать (рвота), белёсый, карий, скрыться, лавка, гад, допрос, (про)меж, штык, (крово)подтёки, сирота, (о)костенеть, колоть, хрипеть, захлабываться, вразумить, (за)кряхтеть, кучерявиться, простуженный, переправа, причал, гниль, днище, фуражка, костистый, грести, горбиться, хлопать, сочиться, смутное, казак, полк, штаб, конвой, бугор, рассудить.

Задание 2. Прочитайте текст.

Семейный человек

За окраиной *станции* *стрянет* солнце. Иду к Дону, к переправе. Влажный песок под ногами пахнет гнилью, как *набухшее* водой дерево. Паром привязан к причалу. Паромщик *черпалом* скребёт по *замшевшему* днищу, выплёскивает воду. Приподымая голову, глянул на меня, *буркнул* неласково: «Гляжу я – не *сво́йский* ты человек, не из наших краёв... *Откель* бог несёт?» «Иду домой из армии». Паромщик скинул фуражку, подмигивая мне, *ощерил* съеденные зубы: «Как же идёшь – по отпуску *аль потаённо?*» «Демобилизованный. Год мой *спусти́ли*». «Что ж, дело спокойное...»

Сели за вёсла. Дон, играючи, поволок нас к затопленной молодой поросли прибрежного леса. Босые, исполосованные синими жилами ноги паромщика пухнут связками мускулов, посинелые ступни липнут, упираясь в скользкую перекладину. Руки у него длинные, костистые, пальцы в узловатых суставах. Он – высокий, узкоплечий, гребёт *нескладно*, сгорбившись, но весло глубоко *буровит* воду.

На середине течение *напористей*. Паром рванулся, *норовисто* кинул задом, *кособочась* потянулся к лесу. Через полчаса прибило нас к

затопленным вёрбам. Вёсла обломались, в пробоину, хлопая, сочилась вода. Ночевать перебрались мы на дерево.

Паромщик, *окарачив* ветку ногами, сидел рядом со мной, *попыхивал* глиняной трубкой, говорил: «Идёшь ты к дому, к семье... Мать *небось* ждёт: сынок-кормилец вернётся, старость её пригрёт, а ты, должно быть, близко к сердцу не принимаешь того, что она, мать твоя, белым днем *чахнет* по тебе, а ночами *слезами* материнскими *исходит*. Все вы, сынки, *тако́вские*... Пока не *нажил* своего *приплóду*, до тех пор и не лежит у вас душа к родительским страданиям».

«Ты человек – не свойский, посторонний, – вот ты и *обсудí* умом: в какую петлю мне голову просовывать? Есть у меня дочь Наташка, *нонешний* год идет ей семнадцатая весна. Вот она и говорит: “*Грёбостно* мне с вами, *ба́тя*, за одним столом *исть*. Как погляжу я на ваши руки, так сразу вспомню, что этими руками вы *братóв побили*; и с души рвать меня тянет...”»

Женился я молодым; баба мне попала *плодючая*, восьмерых *голопúзых* *нажерёби́ла*, а на девятом *скопýtилась*. Остался я один, будто *кулик* на болоте, а детишек ни одного Бог не убрал, как ни упрáшивал... Самый старший Иван был... На меня похожий, *чёрнявый* собой и с лица хорош. Красивый был казак и на работу совестливый. Другой был у меня сынок четырьмя годами моложе Ивана. *Энтот в ма́терю зародился*: ростом низенький, волосы *русявые*, белёсые, а глаза карие, и был он у меня самый *коха́ный*. Данилой звали его. Остальные семеро ртов – девки и *ребяте́нки* малые.

Выдал я Ивана в зятя на своём же *хúторе*, и *вскóрости* родилось *дитё* у него. Данилу тоже было *счинáлся* женить, но тут наступило смутное время. Получилось у нас в *станции* против Советской власти восстание! Прибегает на другой день ко мне Иван. «Давайте, – говорит, – ба́тя, уходите к красным. Власть до крайности справедливая». Данила тоже в это самое упёрся. Долго они меня *смáнывали*, но я им так сказал: «Вас я не *принево́ливаю*, идите, а я никуда не пойду. У меня, кроме вас, – семеро по *ла́вкам*, и каждый рот куска просит!» С тем они и скрылись с хúтора, а станция наша вооружилась *чем по́пада*, и меня под бёлы руки и на фронт.

Пози́ции стали как раз под нашим хúтором. И вот, дело это было под *Пáсху*, пригоняют в хúтор девять человек плённых, и Данилушка – *голубь мой любый* – с ними... Провели их по площади к *со́тенному*. Казаки на улицу высыпали, шумят: «Побить их, гадов! Как выведут с допрóса – *крой* в нашу силу!»

Стою я между них, колёни у меня трясутся, но видимости не подаю, что жалко мне сына, Данилушку-то... Поведу глазами этак в стороны, вижу – шепчутся казаки и головами на меня кивают... Подошёл ко мне *ва́хмистр* Арка́шка, спрашивает: «Ты что же, Микиша́ра, будешь *комму́нов* бить?» «Буду, злодеев таких-сяких!...» «Ну, на тебе штык и становись на крыльцо».

Слышу у сотенного крик. Вывели пленных, а *поперёд* Данила мой... Глянул я на него, и захолодела у меня душа... Голова у него вспухла, как ведро, будто *освежёванная*... Глянул на меня, руки протянул... Хочет улыбнуться, а глаза в синих подтёках, один кровью заплыл... Понял я тут: *ёжели не вдáрю* его, то убью меня свои же хуторные, останутся малые дети горькими сиротами... Сравнялся он со мной. «Батя, – говорит, родной мой, прощай!..» Слезы у него кровь по щекам смывáют, а я... *насилу* руку поднял... будто окостенёл... В кулаке у меня штык зажáтый. Вдарил я его тем концом, какой на винтовку надевается. В это место вдарил, повыше уха... Он как крикнет: «Ой!» – заслонил лицо ладонями и упал с порóжек... Казаки *гогóчут*: «*Омоcháй* их, Микишáра! Ты, видно, *прижéливает* своёго Дани́лку!.. Бей, а то тебе кровию пустим!..» Сотенный вышел на крыльцо, сам ругается, а в глазах – смех... Как начали их штыками колóть, у меня душа замутилась. Кинулся я в улицу бежать, глянул в сторону – увидел, как Данилушку *мовó* по земле катают. Воткнул ему вáхмистр штык в горло, а он только хрипít».

Долго молчал, потом, понижая голос, глухо заговорил: «Меня за *это* дело в старшие *урядники* произвели... Много воды в Дону утекло с той поры, а *досель* вот ночами иной раз слышу, как будто кто хрипит, захлёбывается... До весны держали мы фронт против красных, потом соединился с нами генерал Секретёв, и погнали красных за Дон, в Сарáтовскую губернию. Я человек семейный, а от службы никакого *послаблénия* не дали, потому что сыны в большевиках. Дошли мы до города Балашóва. Заняли мы одну деревню. Нашли в ней мово Ивана, *скрути́ли* и приводят в сотню. Тут его *люто* избили казаки и сказали мне: «Гони его в штаб полкá!»

Штаб стоял *верста́х* в двенадцати от этой деревни. Дает сотенный мне бумагу и говорит, а сам в глаза не глядит: «Вот тебе, Микишáра, бумага. Гони сына в штаб: с тобой надежней, от отца он не убежит!..» И вразумил тут меня Господь. Догадался я: к тому они меня в конво́й назначают, думают, что пушú я сына на во́лю, *опосля* и его слóвят и меня убьют...

Накинул Иван шинéль *внапáшку*, а шапку покрути́л, покрути́л в руках и кинул на лавку. Вышли мы с ним за деревню на бугóр, он молчит, и я молчу. Поглядываю назад, хочу примéтить, не следят ли за нами. Только дошли мы до *полту́тя*, – *часóвенку мину́ли*, а сзади никого не видно. Тут Иван обернулся ко мне и говорит жалостно так: «Батя, всё одно в шта́бе меня убьют, на смерть ты меня гонишь! Неужто совесть твоя досель спит?» «Нет, – говорю, – Ваня, не спит совесть!» «А не жалко тебе меня?» «Жалко, сынок, сердце тоскуёт сме́ртно...» «А если жалко – пусти меня... Не нажился я на белом свете!» Упал среди дороги и в землю мне поклонился до трёх раз. Я ему и говорю на это: «Дойдем до *яро́в*, сынок, ты беги, а я для видимости вслед тебе стрельну́ раза два...»

Прошли мы с ним версты две, он молчит, и я молчу. Подошли к яра́м, он приостановился. «Ну, ба́тя, давай попросаемся! Доведётся живым остаться, до смерти буду тебя *поко́ить*, слова ты от меня грубого не услышишь...» Обнимает он меня, а у меня сердце кровью обливáется. «Беги, сынок! – говорю ему». Побежал он к яра́м, все оглядывается и рукой мне машет. Отпустил я его *саже́н* на двадцать, потом винтовку снял, стал на колено, чтоб рука не дрогнула, и *вдáрил в него... взад*...

Бегу к нему, нагнулся, а он глаза под лоб закатил, и на губах пузырями кровь. Я думал – *помира́ет*, но он сразу привста́л и говорит, а сам руку мою рукой *ла́гает*: «Батя, у меня *ить* дитё и жена...» Голову уронил набок, опять упал. Пальцами зажимает рану, но где же там... Кровь-то так *скрозь* пальцев и *хлобыщ*ет... Закряхтёл, лёг на спину, строго на меня глядит, а язык уже костенеет. Хочет что-то сказать, а сам все: «Батя... ба... тя...» Слеза у меня пошла из глаз, и стал я ему говорить: «Прими ты, Ванюшка, за меня *мученский вене́ц*. У тебя – жена с дитём, а у меня их семеро по лавкам». Немножко он полежал и по́мер, а руку мою в руке держит... Снял я с него шинель и ботинки, накрыл ему лицо *ути́ркой* и пошёл назад в деревню...

Вот ты и рассуди нас, добрый человек! Я за детей за этих сколько горя перенес, *седой волос всего обметáл*. Кусок им зарабатываю, ни днем, ни ночью покою не вижу, а они... к примеру, хоть бы Наташка, дочь-то, и говорит: «Грёбостно с вами, батя, за одним столом исть!» Как мне возможно это *тепéрича* переноси́ть?» Свёсив голову, глядит на меня паромщик Микишáра тяжким, стоячим взглядом, а за спиной его кучерявится мутный рассвет. На правом берегу утиное кряканье переплетается с простуженным и сонным криком: «Ми-кишара! *Шорт!*.. Парóм гони...»

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Как описывается главный герой рассказа?
2. Как Микишара относится к своим детям?
3. Что заставляет героя убить сына Данилу? Как он воспринимает это событие?
4. Почему Микишара убивает Ивана? Чем он оправдывает свой поступок?
5. Зачем после убийства Ивана Микишара забирает его вещи?
6. Как к главному герою относятся его домашние?
7. Зачем Микишара рассказывает историю своей жизни случайному знакомому?
8. В чём смысл названия рассказа?

Андрей Платонов

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием.

Революционные испанцы. В 1937 г. в Испании разгорелась гражданская война между сторонниками социализма и защитниками монархии. Первых ковенно поддерживал Советский Союз, вторых – фашистская Германия. *Пахотный* – подходящий для вспашки. *Угнетать* – жестоко притеснять. *Пустить состав под откос.* *Откос* – покатый спуск, склон железнодорожной насыпи. Пустить под откос – заставить сойти с рельсов. *По небу полуночи.* Название рассказа А. Платонова отсылает к стихотворению М. Лермонтова, в котором память души о песне несущего её ангела делает для неё неинтересными земные песни. У Платонова в роли такого «ангела» выступает военный лётчик, спасающий сошедшего с ума ребёнка. *Всадить пять пуль* – попасть в цель пять раз. *Флагманская машина* – зд.: главный самолёт, ведущий за собой всех остальных. *Сбавил обороты мотора* – т. е. уменьшил скорость. *Дистанция* – расстояние. *Таранить* – пробивать насквозь; зд.: направлять свой самолёт прямо на самолёт противника с целью сбить его. *Нежели* – чем. *Вираз* – крутой поворот в воздухе, связанный со сменой направления полёта. *Кровля и потолочный настил* = крыша. *Снести* – уничтожить. *Воронка* – яма в земле от разорвавшегося снаряда. *Прибрать* – навести порядок. *Утраченный* – потерянный.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний:

авиация, лейтенант, штаб, часть (воинская), перелёт, сдавленный, ухаживать, одухотворённый, чужбина, труженик, истребитель, штурман, прирождённый, содрогаться, искалечить, наушники, снизиться, (раз)бомбить, бандитизм, (по)мчаться, винт, хвост, ускорение, подбить, известняк, плантация, фашист, казарма, инструктор, недостижимый, утешение, прибор, экспресс, командование, подговорить, ангел, кобура, помчаться, доставать, умолкнуть, слабоумие, пилот.

Задание 2. Прочитайте текст.

По небу полуночи

Лейтенанта немецкой авиации Эриха Зуммера днём вызвали в штаб части и предложили подготовиться к дальнему ночному перелёту. Зуммер вышел из штаба на деревенскую улицу и улыбнулся, вспомнив серьёзное, глубоко задумчивое выражение лица начальника штаба. Лётчик улыбался так же, как и грустил, – не меняясь в лице; он привык молчать, и впечатления жизни, естественно вызывающие в человеке смех, печаль или живое искреннее действие, теперь в нём всё более превращались во внутренние сдавленные переживания. Год назад, когда он жил под Лейпцигом, он ухаживал за девушкой, служившей в военной столовой и,

считая своей невестой, даже познакомился с её родителями. Однажды, желая показать свой ум и оригинальность, он сказал о *революционных испанцах*: «Они теперь самые лучшие, самые одухотворённые люди на земле». Клара ответила, что офицеру с такими мыслями неуместно служить в германской армии и она сама позаботится, чтобы Эрих больше не работал в военной авиации. С тех пор Зуммер больше не стремился открыто выражать свои мысли.

Зуммер возвратился домой. Он снимал комнату у крестьянина. Крестьяне относились к военным терпеливо, но работали всё менее трудолюбиво. Огромная толпа вооружённых бездельников, занявшая *пахотные* поля под казармы и аэродром, *угнетала* крестьян, и они жили среди родной земли, как на чужбине. До вечера нужно было выспаться, но Эриху не хотелось тратить на это время. Глядя на фотографии крестьян, развешанные в его комнате, он старался понять, почему они были счастливее его. «Ты и любить по-настоящему не можешь, – любят ведь только тогда, когда прощают всё – а ты не вытерпел, ты обиделся. Откуда Кларе было научиться уму и чести – она ведь уже выросла в фашистской стране. А ты ещё улетаешь сегодня в Испанию бомбить народ тружеников, чтобы от него остались одни сироты и чтобы сирот затем превратить в рабов». Зуммер поглядел в окно на поле ржи, подумав, что, в отличие от хлебного зерна, не готов в свои 28 лет просто так, без веры в своё дело, лечь в землю. «Отчего в меня весь мир посылает свои сигналы, а из меня ничего не происходит, не возрастает обратно в ответ?»

Вечером за ним с аэродрома прислали машину. На аэродроме стоял готовый к вылету отряд двухместных истребителей из пяти машин. На машину Зуммера штурманом был назначен Фридрих Кёниг. Зуммер знал его около года: штурман он был никакой, но, что ещё хуже, в его чистых глазах постоянно горел свет искренней убеждённости в истине фашизма. Идиотизм его веры, чувственная, счастливая преданность рабству были в нём настолько прирождёнными, что Зуммер содрогался. Машины одна за другой поднялись в воздух и выстроились вслед за *флагманом*. С обычным наслаждением Зуммер вслушивался в напряжённую работу мотора. Когда-то он работал конструктором в испытательных авиамастерских. Но потом занятие творческой техникой ему надоело, потому что ни хорошие, ни плохие моторы сами по себе не помогают правильно существовать человеку, если в нём нет священной сущности или она искалечена.

Машина шла высоко над Францией. Лётчик поглядел на небо с его звёздами, сиявшими, подобно недостижимому утешению. «Они хотят нас искалечить, чтобы мы больше не понимали звёзд и не чувствовали друг друга, а это хуже, чем убить: это как ребёнок с выколотыми глазами. А мы хотим подняться над самими собой, приобрести самое необходимое – но для этого следует перестать быть привычным к самому себе, постоянным, смиренным человеком».

На доске приборов вспыхнула надпись «штурман». В наушниках Зуммер услышал голос Кёнига: «Мы подходим к испанской границе. Под нами прямо по курсу идёт французский ночной экспресс. Если бы мы немного снизились, мы смогли бы *пустить состав под откос*: у французских поездов хорошие скорости – достаточно только сбить паровоз. Никто не узнает, чей самолёт разбомбил состав». Помолчав, Зуммер ответил: «Красные испанцы воюют только со своими врагами и только на своей земле. А итальянцы – наши союзники. Я передам командованию, что вы считаете их способными на бандитизм, а меня подготавливали нарушить приказ». Кёниг замолчал. «Вот человек, – подумал Зуммер. – Нет, пора мне быть ангелом, человеком надоело, ничего не выходит». Он быстро вынул револьвер из кобуры и, полуобернувшись назад к штурману, *всадил в него пять пуль*. Штурман привалился мёртвой головой к борту самолёта.

Флагманская машина стала набирать высоту. Зуммер не последовал за ней и даже *сбавил обороты мотора*, чтобы отстать. Выждав немного, он увеличил скорость до максимума и помчался вслед за группой фашистских самолётов. Подойдя к ней на близкую *дистанцию*, Зуммер, находясь под флагманом, открыл по нему огонь. Пули секущим потоком ударили по самолёту от винта до хвоста. Сделав *выраж*, Эрих увидел, как флагман приостановился и, набирая ускорение, пошёл вниз к земле. Остальные три машины продолжали свой путь словно в размышлении. Воспользовавшись ситуацией, Зуммер взял ещё одну машину с хвоста пулемётами и двинулся *таранить* третью. Оказавшись более искусным, *нежели* противник, он сумел на выраже подбить и этот самолёт: сделал крутой виток, пламеня, он резко уходил вниз. Последняя машина ушла из боя в бегство. Зуммер оглянулся на своего убитого штурмана: «Пусть спят спокойно все завоеватели мира – они жизнь хотели превратить в игру и в этой игре выиграть: они предполагали, что действительность – лишь шутка, и у них недоставало ни благородства, ни привязанности к людям». Выполнив поворот, лётчик повёл свою машину в Испанию.

Пролетев над Средиземным морем и миновав Каталонию, Зуммер посадил машину на каком-то безвестном поле. Остановив мотор и потушив свет на приборной доске, с револьвером на коленях, он задремал до рассвета. Утром его разбудил шум артиллерийских орудий. Оказалось, самолёт сел на дорогу посреди картофельного поля. Желая узнать, чья это земля – республиканская или фашистская – Зуммер направился по дороге. Рассвело. Картофельное поле сменилось плантацией сахарной свёклы, в стороне от которой лётчик увидел бедный крестьянский дом из известняка. Приблизившись, Эрих увидел деревянную дверь у крыльца и, ещё не войдя внутрь, понял, что внутри ярко светит свет утреннего неба. *Кровля и потолочный настил* были *снесены* одним ударом артиллерийского снаряда – всё поле вокруг было изрыто *воронками* от них.

Внутри дома, состоявшего всего из одной комнаты, было *прибрано*: кто-то уже убрал сор от разрушенного потолка. У входа стоял стол с пустым ведром, а в глубине жилища находилась большая семейная кровать. На ней сидел мальчик лет семи. Большие глаза ребёнка были широко открыты, но совсем пусты: глядя прямо на лётчика, мальчик его не видел. На заданный по-испански вопрос, где его мама, он ничего не ответил. Сидел он неподвижно, словно не в силах оторваться от чего-то, что никак не мог видеть Эрих. Зуммер взял его к себе на руки и пошёл с ним к машине. Мальчик тихо пробормотал что-то про себя на плече у Эриха и умолк. Вытащив из машины мёртвого штурмана, Зуммер посадил мальчишку на его место. Тот вдруг стал что-то быстро говорить, но обращался при этом не к лётчику, а к кому-то, кто словно говорил с ним изнутри его души.

С ужасом Зуммер видел, как этот ребёнок, живой и дышащий, всё более удалялся от него в своё безумие, умирая для всех и уже не чувствуя ничего живого вне себя, вне своего маленького сердца и сознания, съедающего самого себя в непрерывной работе воображения. Что же случилось перед его глазами? Этого Эрих не мог в точности узнать, хотя и понимал, что современный мир войны и фашизма редко будет дарить детям что-то другое, кроме смерти и безумия, а взрослым – того слабоумия, которым обладал Фридрих Кёниг. «Нет, я не оставлю его жить одного, – сказал Эрих. Я буду терпеть всё и жить, чтобы он не умер. Я буду работать и драться, я не устану и не погибну». Он взял руку мальчика и погладил её. Ребёнок вдруг взглянул на Эриха, словно узнавая его и внятно сказал несколько слов, из которых Зуммер понял, что он просит отыскать его маму. «Ты увидишь свою маму, – сказал Эрих наполовину по-испански, наполовину по-немецки. – Мы отыщем её, и ты будешь жить вместе с ней всегда».

На картофельном поле стали рваться снаряды. Зуммера, очевидно, заметила республиканская артиллерия и по типу машины правильно приняла за немца. Лётчик усадил мальчика на место штурмана, прикрепил его поясом к сиденью, чтобы он надёжно держался при всех поворотах машины, а затем сам устроился в своём месте пилота. Эрих выбрал ручку управления, оторвал машину и ушёл в высоту – искать вместе с мальчиком, сидящим за его спиной, республиканскую землю и мать этого ребёнка и тех людей, которые заменят ему родителей и возвратят в его душу утраченный разум.

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Как главный герой рассказа воспринимается окружающими?
2. Как он воспринимает себя сам?
3. Как Зуммер относится к полученному им боевому заданию?
4. В чём герой рассказа видит суть фашизма?

5. Почему Зуммер расстреливает лётчиков своей же армии?
6. Что ужасает Зуммера в мальчике, которого он встретил?
7. Зачем Зуммер берёт мальчика с собой?
8. Почему рассказ так назван? Как автор относится к герою и его поступкам?

Борис Пастернак

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием.

Нэп – новая экономическая политика Советского государства (1921–1925), сочетание социализма и капитализма, сориентированное на восстановление страны после Гражданской войны. *Исхудать* – сильно похудеть. *Обрасти* – отрастить длинные волосы, бороду и усы. *Одичать* – стать диким. *Наведаться* – зайти. *Шарахнуть* – резко броситься в сторону. *Опасный знакомец*. В контексте романа Юрий Живаго – опасный знакомец потому, что его семья в качестве противников советской власти выслана за границу. *Ведомство* – государственное учреждение. *Хлопотать* – прилагать много усилий к достижению цели. *Тщетность* – бесполезность. *Жилплощадь* – жилая площадь, комната. *Всесильный* – обладающий большой властью. *Мучной городок* – место в Москве. *Забросил медицину* – перестал заниматься медициной. *Неряха* – грязный, не следящий за своим видом человек. «*Роман в двадцати вёдрах*» (иронич.) – по аналогии с «роман в двадцати письмах» – развитие любовных отношений, связанное с тем, что герой постоянно заходит за водой в дом любимой им девушки. *Курицыно отродье* (разг., бранное) – порождение курицы. *Опуститься* – перестать следить за собой. *Брюзжание*. *Брюзжать* – надоедливо ворчать, выражать недовольство. *Уцелеть* – сохраниться. *Проветрить мозги* (фразеол.) – сделать ясным что-либо. *Ханжество* – несоответствие морали человека его реальному поведению. *Неволя* – рабство, тюрьма. *Мерила* – зд.: возможности. *Сводный брат* – зд.: брат по отцу, но не по матери. *Словно с неба свалиться* (фразеол.) – появиться неожиданно. *Неурядицы* – проблемы. *Добывать* – находить, *тащить* – нести. *Беспрестанно* – постоянно. *Необозримо* – бесконечно. *Злополучный* – несчастливый, неудачный. *Искрить* – сыпать искрами. *Битком набитый* – переполненный. *Поприще* (книж.) – сфера деятельности. *Протиснуться* – пройти среди людей. *Рухнуть* – упасть. *Старый-престарый* – зд.: очень давний. *Голосить* – шумно плакать о мёртвом. *Наплыв* – толпа. *Дивясь* – удивляясь. *Отпевать* – зд.: исполнять псалмы над умершим. *Погребальный* – похоронный. *Близ* – около. *Совместность* – единство.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний:

двусмысленный, фальшивый, партизанский, плен, узаконить, вялый, старание, прикладывать, ссылка, отбывать, довод, снабжать, произвольно, несовместимый, беспаямятство, зрелище, арестовать, комендант, высылка, телега, бедствовать, безвкусица, идеализировать, приятель, распросы, отделаться, снабдить, рукопись, перепечатка, выступление, нагонять, приступ, пинок, топтаться, пережить, пришибленный, совпадение, ломить, величаво, веяние.

Задание 2. Прочитайте текст.

Доктор Живаго

(фрагменты пятнадцатой главы романа)

Юрий Андреевич вернулся в Москву в начале *нэпа*, самого двусмысленного и фальшивого из советских периодов. Он *исхудал, обрós* и *одичал* ещё более, чем во время своего возвращения из партизанского плéна. Тóтчас по прибытии в Москву он *наведáлся* в старый дом. Высылка его близких из страны всё изменила: закреплённые за доктором комнаты были заселены, из вещей его семьи ничего не осталось. От Юрия Андреевича *шарáхались* в сторону, как от *опа́сного знако́мца*.

Поначáлу доктор ходил по разным *вёдомствам*, *хлопочá* о политическом оправдании своей семьи и узаконении её возвращения на родину или о заграничном паспорте для себя и разрешении выехать к жене и детям. Хлóпоты эти, однако, были холодны и вялы. Живаго слишком поспéшно и рано устанáвливал неудáчу приложённых старáний, слишком увёренно и почти с удовлетворéнием заявлял о тщéтности дальнейших попыток.

В Москве Юрий Андреевич поселился в части квартиры своих старых знакомых – Свентицких. *Жилплощадь* состояла из старой бездéйствовавшей вáнной и одноокóнной комнаты, и получена была старáниями бывшего двóрника Маркéла, ныне – *всесильного* комендáнта *Мучно́го городкá*. Переселившись сюда, Живаго *забрóсил* медицину, превратился в *неряху*, перестал встречаться со знакомыми и стал бédствовать. Иногда он заглядывал в бывшую двóрницкую, поскольку только там был дéйствовавший водопровóд. Так начался «*роман в двадцати вёдрах*» с младшей дочерью Маркéла, Мариной, жалевшей доктора и заступáвшейся за него перед отцом, зáпросто называвшим его «*кúрицыным отро́дьем*». Марина часто заходила к доктору помочь по хозяйству и однажды осталась у него, став третьей, незарегистрированной женой при неразведённой первой.

Марина прощала доктору его причúды, капризы *опустившегося* и сознающего свое падение человека, грязь и беспорядок, которые он заводил. Она терпéла его *брюзжáние*, рéзкости, раздражительность. Когда по его вине они впадáли в добровóльную нищету́, Марина, чтобы не

оставлять его одного, бросала службу телеграфистки и, подчиняясь фантазии мужа, отправлялась с ним по дворам пилить дрова. Между тем у них уже появились дети – дочери Капка и Клáша.

Из немногих старых знакомств *уцелело* два: с Иннокентием Дудоровым и Михаилом Гордоном, да и то потому, что те жили по соседству. Гордон и Дудоров принадлежали к хорошему профессорскому кругу, проводили жизнь среди хороших книг, хороших мыслителей, хорошей музыки, но они не знали, что бедствие среднего вкуса хуже бедствия безвкусицы. Юрию Андреевичу были насквозь ясны пружины их разговора, механизм их рассуждений. Дудоров недавно отбыл срок первой своей ссылки и совершенно искренне убеждал друзей, что доводы обвинения и обращение с ним в тюрьме *проветрили ему мозги*, что у него открылись на многое глаза. Закономерность и прозрачность его *ханжества*, совершенно разделявшегося Гордоном, взрывала Юрия Андреевича: несвободный человек всегда идеализирует свою *неволю*. Для Живаго было ясно, что в этих разговорах обозначен духовный потолок советской интеллигенции, но именно это и не устраивало его. Чтобы не ссориться с друзьями, он скрывал от них свое впечатление.

Однажды Живаго исчез. Марина, Дудоров и Гордон сбились с ног, разыскивая его. На третий день он сообщил им в письме, что, в целях скорейшей и полной переделки своей судьбы хочет побыть какое-то время в одиночестве, сосредоточенно заняться делами. Жене он выслал деньги, значительно превосходившие его масштаб и *мерилá* его приятелей. Между тем всё объяснялось просто: неделей раньше Юрий Андреевич наткнулся на улице на своего *свóдного брата* Евграфа. Он *свалился словно с неба* и распрóсам был недостóпен, предпочитáя отделяться от них шутками. Однако, войдя во все печали и *неурядицы*, тотчас составил план, как помочь брату и спасти его. Он снял Юрию Андреевичу комнату, снабдил его деньгами, стал хлопотать о приеме доктора на хорошую службу, открывавшую простор научной деятельности, куда-нибудь в больницу.

Комната была для Юрия Андреевича более чем его кабинетом. В этот период, когда его планы и замыслы не умещались в записях, навáленных на столе, она была пиршественным залом духа, *кладовой открóвений*. Юрий Андреевич стал приводить в порядок то из сочинённого, обрывки чего он помнил и что откуда-то *добывáл и тащил* ему Евграф, частью в рукописях, частью в чужих перепечатках. Он *на́черно* составлял очерки статей, записывал отдельные куски напрашивавшихся стихотворений, иногда еле справляясь с набегавшими на него мыслями. Он торопился.

Статьи и стихотворения были на одну тему. Их предмет был город. Впоследствии среди его бумаг нашлась запись: «Беспорядочное перечисление вещей и понятий с виду несовместимых и поставленных рядом как бы произвольно – совсем не *прихоть*. Это новый строй впечатлений, подмеченный в жизни и списанный с натуры. *Беспре́стáнно*

шевелящийся за дверьми город есть *необозримо* огромное вступленье к жизни каждого из нас». Один из дней его жизни особенно отвечал этому впечатлению.

Однажды утром в конце августа Юрий Андреевич сел в вагон трамвая, впервые направляясь на новое место службы – в Бóткинскую больницу. Однако *злополучный* вагон постоянно останавливался: то телега задерживала его, то под полом вагона что-то *искрило*. В *битком набитом* трамвае было тесно и душно, приближалась гроза. Одна пожилая дама, шедшая по улице параллельно трамваю, то оставалась позади, то нагоняла его с каждой новой полóмкой. Юрий Андреевич подумал о нескольких, развивающихся рядом существованиях, движущихся с разной скоростью одно возле другого. Нечто вроде принципа относительности на житейском *по́прище* представилось ему. Внезапно доктор почувствовал приступ дурноты. Преодолевая слабость, он поднялся со скамьи и рывками двинулся к выходу. Не обращая внимания на ругань, пинки и оскорбления, он *проти́снулся* к выходу, сделал шаг, другой, третий, *ру́хнул* и больше не вставал. Пожилая дама, полюбопытствовавшая подойти к толпе вокруг мёртвого, была *старой-престарой* знакомой Живаго, с которой он встретился ещё во время Мировой войны – мадемуазель Флери́. Потоптавшись в толпе и не узнав Живаго, она двинулась дальше, обогнав и переживя его.

Весть о смерти человека почти без имени с чудесной скоростью облетела весь его круг. В комнату с телом набилось порядочное число людей, знавших умершего в разную пору его жизни. Марина, ещё вчера заливавшаяся слезами и безумно *голосившая*, сегодня сидела тупо пришибленная, ничего не говоря и себя не помня. В людском *наплыве* было два человека, из всех выделявшихся. Они не напрашивались на бóльшую близость к умершему, чем его жена, дети и их родственники. Однако, по-видимому, именно они взяли на себя заботу о похоронах и распоряжались ими с таким спокойствием, точно это приносило им удовлетворение. Это были Евграф Живаго и Лára – Лариса Фёдоровна, безумно любимая Юрием Андреевичем и только на днях вернувшаяся с Дальнего Востока.

Дивясь странному совпадению, Лара рассказывала Живаго, что именно здесь, в этой самой комнате, где сейчас стоит гроб, её муж, Павел Антипов, жил, будучи студентом. Как и Юрий Андреевич, она, приехав, отправилась по единственному московскому адресу, где её еще могли помнить. Надо же было так случиться, что квартира, которую снял Евграф для брата, оказалась именно здесь, в Камергёрском! Сердце у Лары разрывалось, голову ломило. Поникнув головой, она погрузилась в воспоминания и соображения. Её мысли рассеялись, она подумала: «Как жаль, что его не *отпева́ют* по-церковному! *Погребáльный* обряд так велича́в и торжéствен!» Она ощутила волну гордости и облегчения, как

всегда с ней бывало при мысли о Юрии и в недолгие промежутки жизни *близ* него. Вёяние свободы и беззаботности, всегда исходившее от него, и сейчас охватило её. Она встала с табурёта, на котором сидела, медленно подошла к гробу и, покрыв середину гроба собой, несколько мгновений не говорила, не думала и не плакала.

Они любили друг друга не из неизбежности, как это ложно изображают. Они любили друг друга потому, что так хотело всё кругом: земля под ногами, небо над их головами, облака и деревья. Ах вот это, это ведь и было главным, что их роднило и объединяло! Никогда, даже в минуты самого беспамятного счастья не покидало их самое захватывающее: наслаждение общей красотой мира и чувство отнесённости к красоте всего зрелища. Они дышали только этой *совместностью*, и потому ложное вознесение человека над остальной природой их не привлекало.

Лара думала ещё о чем-то, ещё что-то говорила. Оглядевшись, она заметила в комнате озабоченность и движение и отошла в сторону. К гробу подошли мужчины и подняли его. Начался вынос. После похорон Лариса Фёдоровна провела несколько дней в Камергёрском. Разбор бумаг Юрия Андреевича, о котором её попросил Евграф, был начат, но не доведён до конца. Однажды Лариса Фёдоровна ушла из дому и больше не вернулась. Видимо, её арестовали в те дни на улице, и она умерла или пропала неизвестно где, забытая под безымянным номером в одном из бесчисленных лагерей севера.

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Почему Живаго не делает почти ничего, чтобы увидеться с семьёй?
2. Как и почему меняется характер доктора Живаго?
3. Как Живаго относится к своим немногочисленным друзьям?
4. Какая философская идея появляется в записях Юрия Живаго?
5. В чём символизм смерти и похорон Юрия Живаго?
6. Как вы объясните противоречивость переживаний Ларисы над гробом ее любимого человека?

Учебное издание

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА.

Часть 1

Тексты и задания к практическим занятиям

Составитель

Житенёв Александр Анатольевич

Редактор Е.С. Котлярова

Подписано в печать 10.07.07. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 2,6.
Тираж 50 экз. Заказ 1754.

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета.
394000, г. Воронеж, пл. им. Ленина, 10. Тел. 208-298, 598-026 (факс)
<http://www.ppc.vsu.ru>; e-mail: pp_center@typ.vsu.ru

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра
Воронежского государственного университета.
394000, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 3. Тел. 204-133.